

Калдовские

Миры

ВЗРОСЛАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Юлия
ШОЛОХ

Annotation

Не шутите со святочными гаданиями! И прежде чем браться за безобидный на первый взгляд ритуал, подумайте, что он ведь может и сработать. И окажетесь вы тогда в другом мире, где всё устроено иначе, не по-нашему да не так. Где ждут магические умения и достаток, женихи да веселье... Или не ждут? Кажется, Кате придется это проверить, рискнуть собственным сердцем и попытаться не ошибиться в выборе — ведь отыскать и не потерять мужчину, предназначенного судьбой, очень и очень непросто.

Юлия Шолох

Взрослая колыбельная

© Шолох Ю., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Руки протяну — здравствуй.

Пилот. «Деревенская»

Пролог

с описанием происшествия, которое легко можно охарактеризовать народной пословицей «Любопытной Варваре нос оторвали»

— Бабки говорят, святочные гадания — хорошо! Гадай сколько влезет, но нельзя в наших местах звать Жучиноного короля, — пылко частила моя сколько-там-юродная сестра Надька, к которой я выбралась из города в гости на новогодние каникулы.

— Но остальные-то все скучные!

И правда, все святочные гадания уже изучены и испробованы: и мелкие предметы в зерне искали, и петухов в темноте ловили, и сапоги летали за ворота (один мы после этого вообще нашли, только когда снег сошел), и зеркала со множественными отражениями друг в друге тоже были. А про Жучиноного короля я нигде больше не читала и не слыхала, кроме как в этих глухих таежных деревнях, скучковавшихся вокруг одного холма.

— Зато безопасные!

— Да мы даже на зеркалах гадали, помнишь? Ты сама говорила, если там что не так сделал — пиши пропало! Затянет в зеркало разумом, потеряешься и навсегда свихнешься! Или вылезет оттуда чудище и нос откусит!

— Да это все байки!

— А Жучиный король, значит, не байки?

— Бабки наши говорят, от своих предков слышали, что он затянет в нору... Но не всякую девку, а только если так совпадет, что там, с той стороны норы, гадать будет молодец, который тоже ищет суженую.

— А... так шансов, значит, ноль, — я махнула рукой. — Таких совпадений не бывает.

— Говори, да думай сперва! — разозлилась сестрица. — На земле нас семь миллиардов, да и в других местах, по ту сторону норы, неисчислимо миров! Так что совпадения каждую минуту случаются. Тем более как же Олег? Ты говорила — хороший парень.

— Ну да... — протянула я.

С Олегом мы знакомы всего месяц, поэтому я отклонила предложение поехать на каникулы к нему домой. Он мне действительно нравился, но он настоящий, реальный, а в Святки хочется сказки. Принца там, гордого и прекрасного, неземного... ну хоть помечтать.

— Ну и что? Может, хочу убедиться, что он мой суженый, а не просто так. Вот увижу его в отражении, узнаю и обрадуюсь.

— Ага. Погоди, вот как свалишься в нору и узнаешь тогда!

— А что там, по ту сторону норы? — поинтересовалась я.

— Никто не знает, — Надька пожала круглыми плечами. — Но если затянет туда, вернешься совсем другой. И рот на замке будешь всю жизнь держать, ни словечка о произошедшем из тебя не вытянешь.

Хм-м-м... Сидеть в деревне еще три дня, зимой за такой срок с тоски можно взвыть. Так что будем гадать! Я улыбнулась, потирая руки, а сестрица, уже хорошо знакомая с моим характером, только головой покачала:

— Дурная ты, Катька, правду говорю. Умные всегда на чужом опыте учатся, а таким, как

ты, приходится самим бока отбивать. Как ты, их отбивая, голову еще не свернула — интересный вопрос!

— И ладно, — я высунула язык. — Давай лучше к делу готовиться.

— Не, — сестрица благоразумно отстранилась. — Без меня. Я в нору не хочу.

— Ну без тебя так без тебя!

Я вообще одиночка по жизни, не гордая, так что могу и сама! Хорошенько напрягая память, выудила подробности гадания, которые сестрица нынче категорически отказывалась озвучивать. Но и я не лыком шита, половину детства в деревне провела, как-нибудь да вспомню.

И правда, всего-то при луне пробраться на местную Лысую горку (горку, потому что этот холмик на полноценную гору никак не тянул) и искать нору. Если нашел — кричи в нее, зови Жучиноного короля, который придет на зов, выглянет — сверкнут в снегу его многочисленные, похожие на черные камешки глаза — и поведает тебе твое будущее.

Зимой в темной норе у нас вообще-то можно разве что медведя отыскать, но на Лысой горке их точно нет, они глубже в лесу живут. Следовательно, по факту мое приключение завершится прогулкой по лесу и хорошим промерзанием до костей.

Ну и ладно, зато можно будет всем хвастать своей смелостью. Ха! Да ни одна местная не рискнет звать Жучиноного короля, а я запросто! Буду бабок тешить да детей пугать.

— Нет, не пушу тебя одну, с тобой пойду, — решила сестра. — Ну как утянет тебя? Хоть расскажу остальным, куда ты делаешь. Из норы-то выбрасывает не там, где затянуло. Говорили, был случай, девушку одну нашли только через несколько дней! Аж через две деревни в третьей!

Хм, ну вот. Не по доброте душевной станет сопровождать, а чтобы было что рассказать соседям. А что поделаешь? Развлечений в деревне поди поищи, а тут такое известие — девицу в нору засосало. Жаль только не бывать этому, тихо хихикала я, одеваясь.

Что сказать насчет снежной зимы в деревне? Это вам не город, где стоит насыпаться на асфальт горсточке снега, как тотчас выезжает куча машин и, сердито гудя, его начисто соскребает. В деревне не так — тут уж если сыпануло, так до весны. И разве что трактор центральную улицу почистит да выезд на трассу, чтобы в экстренных случаях можно было до деревни добраться.

Лысую горку же никто чистить не думал. Оно и понятно — с чего бы кто-то занимался таким бесполезным делом? Ради двух дурочек (ладно, так и быть, признаем — ради одной дурочки и ее разумной сестрицы), которым взбрело в голову лезть на гору?

— Понесли тебя черти, куда не просят! — бурчала за спиной Надька, но благодаря окружающей хрустящей тишине слышно было хорошо. — И чего дома не сиделось!

— Ты как старая баба бурчишь, — заметила я. — Топай давай.

Еще через полчаса мы наконец вскарабкались на вершину Лысой горки. Вид отсюда открывался изумительный — покрытый снегом лес, мягкие сугробы до горизонта и небольшая, щедро разбросанная горсточка огоньков в деревне. Благодаря белоснежному искристому снегу было почти светло, а еще и луна светит. Но вот беда — ни одной норы или, на худой конец, черного пятна вокруг не наблюдалось.

— Нет, ну так неинтересно.

Я надула губы, украдкой поглядывая на Надьку. Ее так легко завести — всего-то сделать вид, что действительно рассчитывала найти нечто необычное... Хотя кто в здравом уме на самом деле питает надежду встретить на горе Жучиноного короля? Чушь все это.

— Ну и пошли тогда обратно, — сказала сестра, покосившись на цепочку наших следов, портивших безупречно гладкий пейзаж.

— Нет уж, будем ждать.

Я огляделась, но сесть было некуда. Тогда опустилась прямо в снег, который удивленно хрустнул.

— Ну, опять начинается! За что мне такое наказание! — бурчала сестрица, переваливаясь рядом с ноги на ногу.

— Сама напросилась со мной пойти.

— Да потому что ты как ребенок малый!

— Я живу, между прочим, одна уже с семнадцати лет!

— Тоже мне, целый год живет одна!

— Почти два.

— Твои родители живут в часе езды от города, так что это не считается.

— А ты, между прочим, сама тоже...

Ругань — одно из местных развлечений. Когда нет ни интернета, ни телевизора, развлечением становится даже такая малость.

И мы всю пользовались малейшей возможностью развлечься. Костерили друг друга почем зря, но любя. То есть не выходя за рамки.

— Поднимай попу и давай двигать отсюда! — раздраженно кричала сестрица.

А потом раздался неожиданный звук. Как будто что-то всосалось в огромную воронку, и в тот же момент прямо у моих ног осел снег, образуя черную яму. Из-за теней не было видно, где у нее дно.

— Вау, — сказала сестрица, растеряв бывшее красноречие.

— Ничего себе!

— Это не нора, — скептически заявила она.

— Понятное дело, не нора. Снег просто осел. Но как забавно. Как будто на самом деле из-за нашего появления. Надеюсь, там не берлога, куда я сейчас провалюсь?

— Не. Найди поди хоть одного дурного медведя, который станет на Лысой горе жить, — фыркнула Надька.

— Давай тогда короля звать? — воодушевилась я. К медведю не хотелось, но и упускать такой шанс нельзя.

— Да ну тебя с твоими глупостями! — сестрица отошла подальше. — Зови быстрее да домой пошли греться. Ноги уже отмерзли, пока ты тут балуешься.

Я наклонилась к дыре, почти ощущая идущий от снега холод. Нет, дна не видно, хотя это, конечно, из-за теней. Жалко, что не белый день. Хотя днем не вышло бы такой таинственной атмосферы.

— Жучиный король, — прошептала я, — сделай доброе дело. Покажи мне моего суженого. А я тебе сахарку оставлю.

Попытку подкупа я добавила от себя лично, в первоначальном тексте ничего такого не было. Но все знают, что нечисть любит сладкое. Вдруг это мой дополнительный бонус? Я замолчала, прислушиваясь. Хотя что я хотела услышать? Нет, ну правда?

В стороне вымученно вздохнула сестрица, которой мои выкрутасы совсем осточертели.

— Ну пожалуйста, — одними губами попросила я, а потом на язык запросились слова, словно моими губами говорил кто-то другой: — Из синего мрака, из темного леса крадется на мохнатых лапах Жучиный король. Всех, кто хочет знать, встречает. И кого соединит, кого

слепит он своей паутиной, те навек связаны. Но только один шанс дает он. Не жалуйся потом, сам попросил...

Нора бросилась в лицо, снег облепил голову, и я стала погружаться в сугроб. Закричала бы, но снег уже был во рту, он залепил уши, пробрался за шиворот и заполз под шапку. Наверное, так страшно чувствуют себя люди, которые тонут в проруби, полной кусков льда. Я тоже тонула, но не в воде. Снег погружал в себя, как будто глотал, и этого просто не могло быть.

Было тихо, и от этой тишины звенели нервы. Пальцы заledenели, руки не двигались — не могли. Мрак облепил мокрыми, холодными ладонями и только скользил по телу и чавкал где-то вдаль, и неживой, равнодушный, перетирал меня, как зубы трут мелкую косточку.

Дышать не получалось, легкие рвало на части, мышцы сковало — наверное, я сейчас умру.

Потом снова чавканье, словно что-то выливалось на землю, и я приложилась плечом о твердое, сложились как гармошка. Выплюнула мокрый снег и смогла вздохнуть. Глаза открылись, но ничего не видели. Или же вокруг было темно, как в подземелье. А звуки обычные. Дует ветер. Ледяной ветер, мокрая одежда тут же стала жесткой.

Неужели подо мной была яма, в которую я рухнула вместе со снегом? Но почему тогда я сижу на воздухе, на земле, как будто ничего не произошло? Что случилось? Нужно понять, что вокруг. Если не видно, придется щупать руками. Ага. Вокруг снег, целые горы хрусткого, холодного снега.

— Надя!

Уже не до гордости. Где сестра? Почему она молчит? Хочет меня напугать?

— Надька! — завопила я и неожиданно всхлипнула. Вокруг только мокрый снег, но я не в яме, а на ровном месте. — Где ты?

Тишина. Слышно только мое судорожное дыхание.

Надька не могла молчать, даже если бы захотела посмеяться. Долго бы не выдержала и стала хихикать. Но вокруг тихо, совсем тихо, ни звука. Как будто сестрица сквозь землю провалилась.

А наверху? Я задрала голову. Высоко тоже темнота, но неровная. Наверное, небо, которое не разглядеть. Откуда эта слепота? Почему я ничего не вижу? Но подождите... вот луна проступает среди плотных туч. Какая-то зеленая.

Теперь видно, что вокруг меня высокие деревья. Деревья? Откуда тут деревья? Тут, на Лысой горке?!

— Надя! — закричала я, закрывая лицо руками и снова падая в снег.

Но никто не отзывался.

Глава первая,

где происходят разнообразные события, которые никогда не должны были произойти

Холод — очень занятная штука. Даже когда ты сбит с толку, ничего не соображаешь и отказываешься думать, холод все равно легко пробирается сквозь твоё равнодушие и спокойно тебя леденит.

Пальцы почти не сгибались. Нужно встать, попрыгать, подвигаться, чтобы согреться, но я сижу на месте. Куртка встала комом, шарф торчит сосульками вбок — примерз, как примялся, пока я рыдала, зубы стучат. Не может быть, чтобы я... чтобы я оказалась где-то в другом месте. Это шутка? Скоро придет Надька, и все будет хорошо?

Или я сплю? Да, это может быть: сны мне всегда снились яркие, цветные, такие увлекательные, что не хотелось просыпаться.

Но как же тогда объяснить этот лютый мороз? Во сне не бывает холодно, а тут все минус двадцать. А если предположить... что я действительно попала в портал и оказалась в другом мире? Как сквозь землю провалилась? Разве это не значит, что по эту сторону меня должны встречать живые и разумные существа?

Но вокруг никого...

Этого всего не может быть! Я сижу в луже мокрого снега, поверху уже скованного льдом. Одежда задубела, тело замерзло, и холод почти добрался до сердца. Негде высушиться, некуда идти... Кроме смутных очертаний окружающего леса, ничего не видно, но огня нет. Значит, нет жилья.

Сколько я протяну на морозе? Ещё немного, и я замерзну до смерти. Надо отложить все домыслы на потом, а пока просто согреться. Встать и прыгать. Нельзя же просто лечь и умереть?

Но ноги больше не подчиняются. Я их уже не чувствую. Зубы, которые ещё недавно стучали с огромной скоростью, теперь еле смыкаются.

Луна пропала, и вокруг снова темно. Теплое только сердце, ещё стучит, и голова.

Так вот она какая — нора Жучинового короля, откуда никто не возвращался. Наверное, потому что там они нашли свою смерть.

Закрою глаза, всё равно ничего не видно. Говорят, когда замерзаешь, становится тепло. Значит, скоро будет тепло? Через минутку... или ещё через несколько секунд... совсем скоро. Скорей бы.

Не помню, было ли мне тепло. Ничего не помню. Затем в руки, в ноги, в спину и живот словно воткнули коврики для йогов. Такие, из гвоздей. А потом по ним попрыгали.

Я, наверное, никогда так громко не вопила.

Глаза резанул яркий свет. Комната вокруг была незнакомой, с высоким светлым потолком и бревенчатыми стенами. Пахло костром и сеном. Из большого окна, занавешенного белой занавеской с вышитым зеленым узором, слабо светило солнце.

Рядом сидела женщина с покрытой ярким платком головой, в льняном сарафане, надетом на такую же льняную рубашу. У неё были загорелое лицо в тонких морщинках и спокойные голубые глаза.

— О, очнулась, — обрадовалась она. — Ну наконец-то!

Она приветливо улыбалась, хотя мы были незнакомы. Где я?

— Ну не суетись, успокойся.

Женщина легко толкнула меня, уложила обратно на подушки. Узкая и очень мягкая кровать стоит в самом углу большой комнаты, рядом — стол с грудой глиняных горшочков и стеклянных бутылочек. Пол тоже деревянный.

— Не враг я тебе, не бойся. Лекарка местная, на ноги тебя поставить хочу. Тетка Маруся я. Видишь, ты уже и в себя пришла. — Она пощупала мой лоб. — Хорошо как. А то мне тебя полуживую принесли. Думала все, хоронить придется. А ты, гляди-ка, радость какая, очнулась. Ну, теперь все с тобой хорошо будет. Благодарю своего спасителя.

— Какого? — прохрипела я.

— Да не знаю я, милая. Никто не видел, — хохотнула женщина. — Только когда тебя дружинный патруль нашел, ты была колдовским колпаком закрыта. Без него давно бы замерзла.

— А...

Даже не знаю, о чем лучше первым делом спросить. Боль постепенно отступала, и уже легко шевелились руки и ноги, только слабость во всем теле была дикой.

— Ничего, ничего. — Она шагнула к столу, застучала горшочками, ссыпала в один травки и подошла к изголовью, где, должным образом изогнувшись, я разглядела печь. На печи стоял большой чугунный чайник, закопченный до черноты. — Сейчас настою сделаю тебе укрепляющего, с медом да брусничкой, и будешь как новенькая. И все спросишь, и узнаешь, сил-то узнавать такое много нужно!

Она покачала головой, потом подхватила огромной рукавицей чайник за ручку, налила из него кипящей воды в горшок с травой. Тут же приятно запахло ягодным чаем.

— Где я?

Вопросов много, но лучше начинать с очевидного. Меня вчера что, Надька напоила и бросила на улице? Нет, не поверю! Сестрица не могла такого отчудить. При наших-то морозах это верная гибель. Она меня любит.

А что тогда произошло? Что это такое — колпак колдовской?

— Ты-то? В мире нашем, в стране, которая Земля Великих Лесов называется. В лесу мы, у самой столицы, Гораславля. А пока пей. Все узнаешь, все расспросишь, радателя тебе уже назначили, опекуна то есть, он все и объяснит. На, пей.

Она поднесла к губам горшочек, придерживая мою голову, и пришлось открыть рот, чтобы чай не вытек на лицо. Кстати, он оказался совсем не горячим и вкусным. Привычный родной вкус — мед и ягоды.

— Да, непросто таким, как ты, — тяжело вздохнув, покачала головой тетка Маруся, — но что поделать. Попривыкнешь со временем. Учиться новому на новом месте всяко лучше, чем какой болезнью страшной заболеть и помирать без надежды. Тут хоть надежда есть, а человек, он ко всему привыкает. И ты привыкнешь.

— К чему привыкну? — во рту пересохло, будто и не пила только что.

— К миру к нашему.

— Я что... не в своем мире? — аккуратно спросила я. Еще примет за полоумную, и совсем плохо будет. Однако пусть объяснит, на что намекает!

— Получается так, — тоскливо вздохнула лекарка. — То есть для меня мир родной, тут я родилась, тут живу и помру тоже тут. А тебе-то совсем чужой. Хотя близкие у тебя тоже имеются, раз завлекли, — она хмыкнула. — Ну, спи пока, спи, иномирянка.

— Я иномирянка? — шептать я не привыкла, но как иначе произнести это страшное слово? — Я — иномирянка?!

— Ну так с кем не бывает? — Она жалостливо уложила меня обратно на подушку, подоткнула одеяло. — Спи пока. Глядишь, проснешься, лучше будет.

Что? Что может стать лучше?!

Глаза, однако, слипались, и я моментально заснула. Непростые травки она мне дала, ой непростые.

Проснувшись в следующий раз, я снова увидела перед собой ее любопытное лицо.

— Вот и хорошо, — привычно запела лекарка. — Вот и ладненько. Теперь вставай, умывайся, одевайся. Утро уже позднее. Позавтракаешь да поедешь, заждался тебя радетьель-то.

— Как поедешь? — удивилась я.

А как же выздороветь, набраться сил, прийти в себя, в конце концов? Я чуть от переохладения не умерла, значит, простудилась, хорошо если без пневмонии, но ведь нужно же время, хотя бы несколько дней, чтобы отлежаться и подлечиться.

— Да так, в повозке крытой поедешь, прислали за тобой.

— Уже? Но я же болею.

— Да где там? — она отмахнулась от моих страхов. — Где там. Уже здорова ты.

— Да? Так быстро?

— Да. Вставай.

Она потянула меня за руку, пришлось сесть. Кстати, нигде ничего не болело: я специально постучала себя кулаком по груди, чтобы проверить. Когда я простужена, сразу от такого кашлять начинаю, а сейчас хоть бы хны. А если встать? Голова не кружится, ноги держат. Странно даже, что все обошлось. Уровень их медицины показался мне, мягко говоря, сомнительным.

Хм, похоже, я действительно здорова.

— Одежду тебе новую дам. — Лекарка бросила на кровать блузку с длинными рукавами и сарафан, похожий на ее собственный. — Одежда твоя иномирская осталась, конечно, не стала я ее выбрасывать. Вдруг, думаю, захочешь на память сохранить. Вот, в мешке лежит, — она кивнула в сторону, где у стены действительно стоял объемный мешок, в котором вполне могли поместиться мой лыжный костюм, зимние сапоги и шапка. — У нас-то такого не носят, ужасных штанов таких...

— Почему ужасные? Они теплые и удобные, — почти обиделась я.

Хороший костюм у меня был, между прочим, и дорогой.

— Да ненастоящие ж они, — округлила глаза лекарка. — Ткань ненастоящая, как будто в нее стекла намешали. Лучше шерсти да меха ничего не греет. Как ее звать, эту ткань?

— Синтетика.

— И название ненастоящее, — как отрезала она. — Забудь про эту ткань, не дома уже поди. Давай одевайся.

— А почему я вас понимаю?

— Да как же иначе-то? — удивилась она, так и замерев с поднятыми руками. — Перетащил тебя мир да приспособил, разумение понимать речь дал. Иначе зачем брать? Бросить совсем беспомощную? Да и корни у нас одни, язык похож, чужих мир не трогает.

— Почему?

— Ну ты скажешь! — благодушно улыбнулась тетка Маруся. — Ну у кого суженая может

быть с хвостом и тремя рогами, да еще и которая головой вниз ходит, а дышит огнем? Кому такого зла пожелаешь? Нет, наши боги нам только подходящих таскают, да помогают, чем могут. И мы поможем. Давай одевайся скорей. Скоро радетель все тебе расскажет.

На мне осталось нижнее белье. Это было так приятно, будто я старого знакомого увидела. Колготки лекарка тоже пожаловала новые — словно вязаные, но тонкие, прочные. Блуза одевалась как обычно — через голову — и фиксировалась завязками, где только можно: на вырезе, на рукавах и внизу. Сверху — плотный зеленый сарафан. Вышел вполне нормальный комплект, я похожий носила раньше с водолазкой. Правда, не такой длинный. Этот был даже ниже щиколоток, почти волочился по полу. Неужели у них так ходят?

Ой, балда! Где у них-то? У них тут что угодно может быть.

— Давай поторапливайся, — подогнала лекарка.

Видимо, слишком долго я разглядывала незнакомую одежду. А может, ее обидело, что я понюхала ткань, не ношенная ли. Но даже если так, одежда была чистой, без запаха.

Завтрак из молока и хлеба прошел быстро, а дальнейшую дорогу я запомнила так же, как поездку на американских горках. Что-то вокруг мельтешит, трясется, звуки набатом, как молотком по голове, и ничего не понятно: где низ, где верх, куда летишь и где окажешься в следующую секунду.

Меня везли по пригороду в повозке — этаких крытых санях, в которую впряжены настоящие лошади. Впереди возвышался город. Деревянно-каменный. Здесь, в пригороде, деревянные дома были не выше двух этажей, в основном из бревен, но дальше становились выше и строились уже из камня. Замок посередине города высился как куст посреди травы. Над всем этим висело обычное серое небо, на котором сбились в кучу неповоротливые пухлые тучи. Как реконструкция Средневековья, в общем, в холодный зимний день.

Даже если предположить, что кто-то подговорил Надьку и лекарку и те меня просто разыграли с перемещением, поверить, что кто-то отгрохает ради розыгрыша огромный средневековый город...

Я в чужом мире однозначно.

Я плотней закуталась в шерстяную накидку, выданную лекаркой. Во всех этих слоях одежды очень сложно передвигаться, но думаю, это самая малая неприятность, которая меня ожидает в ближайшее время.

Смотрю на улицы и ничего не вижу, будто не со мной дело происходит. Как такое могло случиться со здравомыслящей девушкой из двадцать первого века, из мира, где царит наука, способная объяснить практически все, но неспособная создать портал между мирами?

— Приехали! — крикнул парень, сидевший на облучке, вроде бы так это место называется. — Вот дом, вот дверь.

Да, особняк знатный, четыре этажа. Под стенами сугробы намело, тропинка узкая протоптана к крыльцу в три ступени. Дверь двойная, деревянная.

— А дальше куда? — крикнула я, не выходя на улицу.

Еще рванет, и останусь я одна под дверью, а неизвестно, что делать дальше.

— Вон, встречают тебя! — еще громче гаркнул парень. — Иди, не трусь!

И правда, створка двери отворилась, выпустив наружу невысокого круглого человечка с коричневой бородой-лопатой и знатной всклокоченной шевелюрой цвета спелой пшеницы.

— А вот и ты, девонька! — он подскочил к саням и открыл дверцу. — А я уж жду, жду... Где, думаю, пропадает, время-то не резиновое? И к другим делам пора, а тебя все нет да нет. Ну давай, выходи. Здорова уже?

— Д-да.

Всегда теряюсь, если рядом болтают без умолку. Поэтому на рынок за продуктами не хожу, только в магазин. На рынке меня первый встречный торговец заболтает да заставит купить ненужный товар по огромной цене.

— Пошли, любезная, — сказал так называемый «радетель», схватил меня под локоток и потащил по снегу к двери. — Ой, погодка портится, ты посмотри. Только снег новый выпал, чистый, красота настала, так ветер задул северный. Жужжит как злая оса, кусает. Собьет теперь снег в кучи да будет по улицам гонять. Ну давай, одна ступенька, вторая...

Таким нехитрым манером через несколько минут мы оказались в пыльном кабинете, где радетель уселся за огромный стол, заваленный бумагами, а мне досталось место напротив — в твердом неудобном кресле. Окружали нас полчища шкафов с крошечными ящичками, у каждого из которых имелась ручка в виде шарика.

Радетель, крикнув, провел по бороде рукой и заговорил:

— Ну что, любезная, давай знакомиться. Вижу, ты уже здорова. Бледная только, а в остальном — вылитая наша. Волос русский, глазки голубые, только грустные очень. А чего худющая такая? — Он покачал головой. — Как селедка в голодный год, ей-богу! Ну да ладно, телеса — дело наживное. Звать меня Грамадий, радетель я твой, то есть помощник иномирский. Буду, значит, следить, чтобы все у тебя шло хорошо. А ты кто?

— То есть?

— Имя твое как? Имя есть?

— К-котя.

— Запомнил! Вопросы есть?

— Да, конечно!

— Давай задавай.

Я растерялась. С чего начать-то?

— Этот мир... Я попала в другой мир, да?

— Ну да, да, — бодренько закивал Грамадий. — Попала, да. Тут я приготовил тебе памятку, там все написано. Где да что у нас тут расположено, что да как принято... Почитаешь на досуге и все ответы найдешь.

— А что мне делать дальше?

Свернутые листы грубой сероватой бумаги, всунутые в руки, конечно, вещь хорошая, но дальше-то что? Что мне с ними делать?

— Дальше дело такое, — строго нахмурился Грамадий. — Не нашли мы, кто тебя призвал, да. Вот беда! Искали, шарились, да он следы колдовством свел. Так что, — он пожевал губами, — будешь пока жить, привыкать к нашему миру, а там, глядишь, боги и помогут!

И замолчал. Нет, ну вы подумайте, он правда решил, что теперь мне все совершенно понятно?

— Призвал? Кто меня призвал?!

Разве я не сама в нору упала, когда просила Жучиногo короля показать мне суженого?

— Да мужчина, конечно, — мягко ответил Грамадий. — Молодой человек тебя призвал. Бывает, к нам и по-другому попадают, но в твоём случае никаких сомнений! Суженую он хотел. Провел обряд в лесу, а суженой в этом мире не нашлось, вот из другого тебя и засосало. Боги сильные у нас, исполняют желания по-разному, но верно. Просил — взяли да доставили, как смогли.

Получается, вовсе и не я виновата в том, что сижу сейчас здесь?

— Да, но... где он?

Человек, который меня вызвал? Разве он не должен был меня встретить? Обрадоваться мне?

— Дык... сбежал он, — пожевал губами Грамадий.

— Как сбежал?!

— Натурально. Увидел, что натворил, и сбежал.

— Но... как, — растерялась я, — как сбежал? Почему? Ведь он сам...

— Да по глупости. Видать, пацаны играли молодые, — объяснил Грамадий. — Не все слухам верят, что обряд срабатывает, редко это бывает. Вот и петушатся. Напьются и идут в лес девок вызывать. А кто отказался — тот вроде как струсил. А тут, смотри, кто-то и правда смог вызвать. Да, поди, испугался двойника-то.

— Двойника?

— Ну тебя то есть.

Ничего не понимаю. Силы стремительно оставляли меня, и сарафан тянул к полу, как будто наливался свинцом. Получается, кто-то просто повелся на слабо, а в результате я оказалась в чужом мире одна? А он испугался и убежал, бросил меня в лесу? Бросил замерзать?

Знал он или нет о том, что со мной случится? Подождите...

— Лекарка сказала, колпак надо мной был, — вспомнила я.

— Да, да. Иначе бы ты не выжила, княжий сыскарь сказал.

— Откуда тогда он взялся?

— Колпак-то? Понятно откуда. Колдун поставил, который тебя призвал. То есть сыскарь говорит, вызвал тебя не простой парень, а колдун, да еще и ученый, иначе бы так споро следы не скрыл. А что до колпака... Вы, двойники, вначале что новорожденные — слабые, слепые котята. Ничего не видите и не слышите, несколько часов в себя приходите. Вот, сыскарь установил, — Грамадий порывлся в столе и достал исписанные мелким заковыристым почерком бумаги. — Глянь сюда. Отчет по твоему делу. Найдена девушка, иномирянка, попавшая в Гораславль посредством проведения обряда поиска суженой. Вызывавший не установлен, но известно, что он ученый колдун. Обнаружены следы нескольких человек, но они подчищены, то есть обезличены! — важно поднял толстый палец Грамадий. — Иномирянка без сознания, провела в лесу не менее семи часов.

— Что? На морозе? — выдохнула я. — Семь часов?

— Может, и больше, — не отрывая глаз от отчета, продолжил Грамадий. — Дальше читаем. Ну, это не важно, это подробности всякие сыскные. Так, вот. Иномирянка накрыта колпаком, а также мужским плащом, обезличенным. Плащ принадлежит учащемуся Академии тайного мастерства, сокращенно АТМа. Предположительный ход происшествия: один из студентов АТМа провел с приятелями обряд притягивания суженой, который действительно сработал, но колдун, не ожидая и не желая такого результата, испугался и сбежал, предварительно обеспечив иномирянке купол спасения жизни.

В голове не укладывается. Это что получается, какой-то... какой-то болван по дурости провел обряд и вызвал, вырвал меня из моего мира, где, между прочим, мне жилось вполне себе комфортно? И теперь я тут, а мой суженый, вместо того чтобы радоваться до потери пульса и завоевывать меня, бросил невесту в лесу на морозе, плащиком разве что прикрыл?!

Или...

— Может, что-то случилось? Например, он должен был срочно уйти? Или не мог меня кому-то показать? Может, родители строгие?

— Конечно, может, и так! — бодро воскликнул Грамадий, стыдливо пряча глаза.

Не верил в такое, выходит. И сыскарь этот княжий указал: «не желая такого результата». Не желая, значит?! Вот такой кандибобер? Вот, значит, как! Не верит мой куратор, и сыскарь не верит, что просто обстоятельства так плохо сложились!

— Нет, он не специально меня бросил, просто так получилось, — упрямилась я.

Мой суженый не может быть из тех, кто заманивает девушку, а получив желаемое, бросает. Не может такого быть! Нет, не верю. Наверняка есть логическое объяснение. Ведь мой идеал — смелый, самоотверженный и любящий меня до чертиков красавчик с большими деньгами!

— Это случайность!

— Да, да, э... напости свое имя?

— Катя.

— Хорошее имя, хорошее, — почти промурчал Грамадий.

— Но что же дальше? Что мне делать? Как жить? Как мне его найти? — воскликнула я. — В ваших бумагах написано, как его найти?

— А нужно ли искать? — подняв глаза к потолку, спросил Грамадий. — Он же тебя бросил. Прямо скажем, в лесу под кустом.

— Я хочу услышать это от него лично! Не верю, что он специально это сделал. Просто так получилось. Он же меня не умирать бросил, он меня защитил, так?

— Так, — нехотя признался Грамадий. — Сыскарь решил, — он снова схватился за бумаги, — что инстинкт пересилил и он не смог оставить тебя умирать, потому как иначе страдал бы сам. Может, иссох бы до смерти.

— Бред какой-то.

— Да, да... Вот, кстати, плащик тоже передали. Следствию он больше не нужен, делай с ним что хочешь.

Нагнувшись, Грамадий вытащил из-под стола завязанный холщовый мешок и бросил мне на колени. Завязан он был на совесть, жесткая веревка царапала пальцы, узел упирался, не желая развязываться, но любопытство превыше всего — я хочу посмотреть, что спасло мне жизнь!

В глаза бросился глубокий коричневый цвет — у нас его называли «темный шоколад». На ощупь ткань похожа на грубую шерсть, а подкладка бежевая и гладкая, окантовка из черной атласной ленты. Теперь достанем, развернем. Ого, он просто огромный!

А если накинуть? Расправить плащ такого размера непросто, но я старательна и терпелива. Тем более это единственный след, ведущий к тому, кто меня вызвал. К моему суженому. Кстати... Нужно пока как-то его называть. «Пока» — это в смысле, что я не знаю ни имени, ни причины, по которой он меня бросил в лесу. «Суженый» — слишком сложно, да, может, он и не заслужил, если выяснится, что бросил меня специально. «Объект», к примеру, слишком нейтрально, как будто он чемодан, который нужно доставить из точки «А» в точку «Б». Как же его звать?

— Большой на тебя плащ-то, — добродушно сказал Грамадий.

А я и сама видела. Материал тяжело лег на плечи, спускаясь до самого пола и укрывая его у ног. Получается... Я приподняла край. Чистый, значит, по полу не волочился. Выходит, он выше меня как минимум на двадцать сантиметров. На груди, вернее, у меня ниже груди,

вышита бело-зелеными нитками эмблема. Буквы «АТМа», обвитые цветущей лозой.

— АТМа?

— Академия тутошняя.

— Что это за Академия? — спросила я.

— Колдовская. Колдуны, значит, там учатся.

— Как мне быть, Грамадий?

Я ничего не знаю об их мире! Может, тут женское бесправие, или колдовские касты, или рабство, да что угодно может быть! Как жить в этом месте, о котором я практически ничего не знаю? Ага, вот и страх. Впервые после самого жуткого процесса перенесения стало страшно.

— А чего ты хочешь? — задал он резонный вопрос.

Тут и думать не нужно. Я хочу найти своего... этого своего суженого и узнать, зачем он меня позвал и почему бросил в лесу умирать. Хотя... спрашивать, зачем вызвал, — это перебор. Зачем — я и сама знаю, потому как тоже не без греха и сама поперлась на эту Лысую горку просто ради веселья. Как, видимо, сделал и он. И не ожидала, что попаду в другой мир, как, вероятно, не ожидал моего появления и он. Это ладно.

Но как он мог меня бросить? Даже не учитывая суженую, как он вообще мог бросить в лесу одинокую, незащищенную девушку?

— Хочу его найти, — твердо ответила я.

— А если не найдешь?

— Тогда... могу я вернуться домой?

— Да ты что? — у него аж брови на лоб полезли. — Какой такой «домой»? Тут твой дом!

— Да, но, может, можно обратно?

— Да кто ж двойника обратно отправляет?

— Какого двойника? Почему вы меня так называете все время?

— Да ты ж двойник, Катя. То есть наши боги сильны, но не настолько, чтобы людей из чужих миров безнаказанно воровать, поэтому они делают двойников. Первая Катя-то, поди, живет как жила, знать не знает ни о тебе, ни о нашем мире. А ты появилась тут... Внешне как она, до последней черты, с ее памятью и прошлым, только впереди у тебя все иначе, все другое. Некуда тебе возвращаться, к чужой судьбе не примажешься. Она теперь сама по себе, ты — сама по себе.

Ух ты, а плащик полезный, мягкий. Не дал сильно о пол удариться, когда ноги подкосились. Не думай, не думай обо всем этом. Потом будет время, пострадаешь еще, наплачешься всласть, а сейчас на повестке стоит другой вопрос.

— Если я его не найду, как мне жить? То есть в любом мире главный вопрос — на что?

Грамадий шумно вздохнул.

— Ой, вижу, умаялась ты от новостей, побелела вся, совсем прозрачная стала. Не ушиблась? Вставай и слушай. Давай вот что сделаем. Хочешь искать своего суженого — ищи. Пристроим тебя в АТМа, будешь его искать, а заодно и делу какому-нибудь полезному обучишься, чтобы сама по себе смогла жить.

— Но я разве колдунья? — с робкой надеждой спросила я.

Очень хочется уметь... да все уметь! Взмахнуть рукой, чтобы появился терем с расписными ставнями да столом-самобранкой.

— Нет, какая ты колдунья, — разрушил он мои мечты.

— Но как можно меня в Академию тогда?

— Но ты ж двойник, Катя. Наш князь Гораславский несет за вас, иномирян, ответственность. Будет заботиться о тебе, пока нужно, в Академию пристроит, не сомневайся.

— Хорошо бы...

— А АТМа! Там не только колдуны, там много разных мастеров обучается. Что вот ты умеешь делать? Лечить умеешь?

— Не-а, — растерянно ответила я. — Не умею. Я училась на финансового аналитика.

— Это что такое?

— Лицо, анализирующее финансовые активы с целью определения их инвестиционных характеристик и выявления неправильно оцененных активов, — пробормотала я заученное определение. Так нелепо звучало!

Грамадий покивал, будто повторял мои слова про себя. Потом крикнул:

— А! Смотритель казны то есть?

— Ну, не знаю.

Бог его знает, как у них тут это называется.

— Все-все, понял. Тока к казне тебя все одно никто не допустит. А раз больше ничего не умеешь, будешь детям грамоту преподавать. Будешь?

— Буду, почему нет.

Детей я люблю, особенно со стороны посмотреть и поумиляться.

— Дело хорошее, правда, в АТМа не очень в почете. Там все больше боевые колдуны да ведуны тайные в чести.

— Все равно! Детей учить дело хорошее. А на жизнь этим заработаешь?

— Заработаешь, если не шибко капризная.

Не шибко? Я вообще-то единственная дочь у родителей, поэтому все всегда получала. Боже мой, родители! Какое счастье, что Катька дома осталась! То есть я. То есть уже не я. В любом случае, тяжело, конечно, думать, что никогда их не увидишь, но по крайней мере, они об этом не узнают.

— Ну что, согласна?

— Да.

— Вот и договорились! Так, пишу тебе бумагу, отнесешь в АТМа, там объяснят, что дальше делать. Будешь учиться. Если что, обращайся. За советом там, за помощью. Получи пока средства на жизнь.

Одной рукой царапая какой-то скрипучей палочкой записку, вторую Грамадий сунул в стол и бросил мне мешочек с чем-то звенящим.

— Все! Пойдем пока пообедаем! — Дописав, он без промедления вскочил, и борода воинственно задралась к потолку. — Потом все остальное, потом, на сытый желудок.

Я с радостью согласилась. Когда много дел впереди, нужно много сил. То есть хорошее питание и не менее хороший сон.

К ночи моя жизнь стала иная. Именно так — иная.

Мне выделили место в группе словесников, как тут называли учителей теории. Зачислили во второй год обучения из четырех, потому что я умница и быстро всех нагоню, как выразился помощник Алкана (руководителя АТМа, у нас его звали бы «декан»). Дали комнату в трехэтажном деревянном доме, узкую, но с окном во двор, где я сейчас находилась, деньги, новую форму и... неизвестность.

В окно дул ветер, стекло, чистое до хрустального блеска, слегка звенело. Там, на улице, очень холодно. Правду радетель сказал — ветер поднимал снег и носился с ним по всему свободному пространству.

Я почему-то думала, в комнате будут соседки, как в моем прежнем общежитии на Земле, но этого не произошло. Как мне объяснили, жилые дома для девушек и молодых людей стояли порознь, и обязательно с отдельными комнатами, так тут принято. У человека должно быть место, где он наедине с миром.

Познакомиться я ни с кем не успела, потому что пришла сюда всего полчаса назад, уже глубокой ночью. Измученный Грамадий попрощался, пожелав добра, носильщик принес вещи, я закрыла за ним дверь, заперла задвижку и осталась одна с целым миром.

Одна. Наверное, вот теперь я действительно одна. В семнадцать лет, сразу после школы, я переехала в общежитие, поступила в институт и была уверена, что одна. Оказывается, вранье это было, притворство. Одна — это не когда ты в общежитии без родителей, нет. Одна — это когда на всем белом свете нет никого, ни одного живого человека, к кому ты можешь прийти со слезами, кому интересно слушать о твоей жизни. Кто поймет, утешит, кто одолжит денег безо всяких условий, кому просто не плевать, жив ты или помер.

Я одна теперь.

И у меня есть только тот, кто меня вызвал, а потом сбежал. Специально или обстоятельства вынудили — это еще предстоит узнать. Но есть только он. Плащ в мешке прибыл со мной, видимо, Грамадий хотел разделаться с делами сразу. Повезло. Достанем.

Материал теплый, плотный. Под таким, наверное, спится куда лучше, чем под куцым казенным одеялом, лежащим на кровати. Кровать у меня узкая, другая в такой крошечной комнатенке не поместится, ну да ладно. Все, на сегодня хватит мыслей, буду спать. Не хочу больше ни о чем знать, ни о чем думать.

А плащ большой... Полностью меня скрыл, вместе с головой.

Ну, хоть плащ.

* * *

— Слышал новости? — прошипели из-за двери.

— Свали.

— Открывай! Слышал, говорю, что иномирянку вчера утром нашли в лесу под Гораславлем? Сыскарь там все утро рыскал, везде нос совал, всех расспрашивал, до кого добрался.

Долгое время он молчал, потом открыл дверь. Незванный гость протиснулся в комнату, поморгал в темноте.

— Чего у тебя темень такая?

— Сплю я.

— А... Говорю, нашли иномирянку утром под Гораславлем!

— И что?

— Как, ты не понял, что ли? Иномирянку после обряда поиска суженой!

— И что?

— Ну как что, — растерялся гость. — Значит, кто-то из нас притянул? Откуда она там появилась? Значит, кто-то из нас!

— Не мели ерунды! Если бы мы, мы знали бы. Ты притягивал?

— Нет, у меня пустая связь, я сразу понял. А ты?

— И у меня пусто.

— А может... Может, кто-то знал, что притянул, да скрыл?

— Да ну тебя в пень. Иди, дай поспать.

— Чего ты бесишься опять? — гость отпрянул. — Пойду других спрошу. Может, они признаются.

— Стой, — крепкая рука схватила гостя за рубаху на груди и потрянула. — Не вздумай больше никуда ходить и никому ничего болтать. Слышал? Чтобы и звука о том, что было той ночью, никому!

— Ты чего, угрожаешь? — изумился гость.

— Я знаю, куда делся сундук со шкурками горностаевыми, что колдуны с практики собирали голове Гораславскому на подарок. Будешь болтать — все узнают. Что, думаешь, тогда с тобой будет?

Гость замер.

— Но...

— Ты слышал, Бакуня. Не наша эта девка, понял? И нечего языком трепать. Теперь иди. Хоть слово услышу — ответишь. Ты меня знаешь, я просто так не болтаю.

Гость отступил и ушел, молча сжав губы.

Дверь за ним медленно закрылась, скрипнул засов.

И в комнате снова стало темно и тихо.

Глава вторая, ***в которой выясняется потрясающая новость, что, даже если ты попал в иной мир, общежитие там ничем не отличается от твоего родного***

Первые дни в новом мире слегка успокоили панику. Я ведь уже училась прежде, а общежитие — оно не то что в Африке, оно, оказывается, и в другом мире общежитие. Соседки у меня оказались хорошими, в большинстве своем приветливыми, а уж когда узнали, что я иномирянка, так и вовсе чуть не визжали от восторга. Оказывается, такое очень редко случается, живьем ни одна из них иномирян прежде не видала, только слышала об их существовании.

К счастью, иномиряне сюда попадали не только по призыву суженого. Бывали просто случайности. То есть боги для чего-то их притаскивали, но никто не знал толком для чего. К цели своей они могли добираться всю жизнь, так что просто жили наравне с местным населением, кто как мог. А так как суженого возле меня не наблюдалось, все решили, что я именно из таких.

Как и в нашем мире, сдружилась я первым делом с девчонками из соседних комнатух. Одна, из комнаты слева, была высокой худой злючкой по имени Белка. Ведуньей, из которых происходят гадалки и собиратели новых знаний, кои данный мир, оказывается, отдает весьма неохотно. Кареглазая блондинка Лелька из комнаты справа — лекарка, как тетка Маруся. Вероятно, лучший выбор для угловатой, плотной и нереально доброй девушки.

Была еще третья, Соня, но она меня реально пугала. Вроде веселая, болтливая, энергичная, но только до тех пор, пока ты слово против не сказал. Стоило хоть заикнуться, что ты с ней не согласна и думаешь иначе, как она превращалась в мегеру, брызжущую слюной, плевалась, подсакивала на месте и кричала: «Сейчас как подеремся!» Приходилось немедленно отказываться от своих слов, а то боязно было, что ее удар хватит.

В общем, девчонки быстро научили меня жизни: как готовить на общей кухне, потому что столовых в АТМа не было, из общепита имелись только городские трактиры, но студенты не любили тратить лишние монеты. Научили пользоваться местными предметами. К примеру, ручки тут были из дерева, которое колдовским способом исписывалось золой, пока не оставался один огрызок. Такой самосгорающий карандаш, я бы сказала.

Занятия у меня пока не начались — только приходила словесница, в чью учебную группу меня определили, приносила учебники и задания. Чтобы учить кого-то, нужно знать, где информацию найти, а вот чего тут не было, так это интернета. Вспомнились слова бабушки о библиотеке, где по молодости она вынуждена была проводить часы в поисках нужной информации.

В этом мире обстоятельства такие же, я сразу поняла: просто не будет. Тут не зайдешь в сеть, где достаточно два слова набрать и выскакивает миллион ссылок на любой вкус. Тут же каждую крошку знаний придется добывать потом и кровью. И должность библиотекаря тут, оказывается, так же почетна и важна, как у нас профессия ученого, к примеру.

Об истинной причине своего появления в этом мире я новым подругам не рассказала, потому что пока не очень им доверяла. Растреплют еще, и все учащиеся будут в курсе, что меня призвал и бросил кто-то из студентов АТМа. И он сам узнает. Нет, ну он и так меня

узнает, но вряд ли станет трепаться. Или не узнает? Той ночью я была облеплена с ног до головы снегом, в шапке и непривычной одежде. В темноте он мог и лица не разглядеть, да еще если спешил...

Ладно, будем исходить из предположения, что он меня может и не узнать.

Эрум оказался вполне спокойным миром, и неприятностей пока не доставлял. В его устройстве, конечно, было много нового, но и привычного встречалось не меньше. Например, роли в обществе. Гордые отличники с заумными лицами, серые неудачники, первые красавицы, первые красавцы и незаметная массовка, в которой хорошо можно спрятаться. Думаю, со стороны незаметно, будет проще вычислить этого — пока не придумала ему названия, — который меня сюда притащил.

Конечно, некоторые шаги по установлению личности я уже предприняла. Как только оказалась в хранилище, где выдавали вещи, сразу же расспросила женщину, подбиравшую мне местную форму:

— Скажите, за последние два дня никто не требовал у вас новый плащ?

— Плащ? — она спокойно перекладывала одежду на полках, не оборачиваясь. — Двое брали. А чего тебе?

— А-а-а... Да нашла плащ, вот и думаю, как владельца отыскать? Вещь-то хорошая, большая только на меня. Значит, мужская.

— Так объявление напиши, хозяин узнает и придет за ним.

— Я напишу.

Она вытащила и бухнула передо мной на прилавок форму: двое штанов, две туники, длинная жилетка, рубашка и сарафан на праздничный выход и еще по мелочи — полотенца, постельное белье. Личные вещи я купила в городе.

— Так кто плащи брал? А то пока объявление, то да се...

Канючу, а сама думаю: вот если на самом деле объявление написать, что будет? Может, и правда написать? Примерно такое: «Кто забыл плащ в лесу, когда вызвал суженую и бросил ее в лесу замерзать? Забери свой плащ в забитом людьми общежитии в комнате иномирянки Кати, где каждый встречный поймет, что ты наделал».

Конечно, никто не придет. Такой он дурень, бросать меня в лесу, скрываться, а потом так глупо светиться!

Но сердце подсказывало, что мой суженый не мог меня бросить. Что-то произошло. Что-то плохое вынудило, заставило его уйти той ночью. Но он вернется, обязательно. Иного быть не может. А мы ему поможем не упустить своего счастья!

В этом месте разошедшейся фантазии становилось неудобно перед Олегом, который остался там, в прошлом мире, со мной первой. И вот что странно — я не жалела, что больше его не увижу. Получается, он не суженый, раз я тут? Или он суженый первой Кати, а меня второй — нет? Или получается, что одна из нас, я нынешняя, будет счастлива с истинно любимым, а вторая (она) будет довольствоваться Олегом?

Да, во всем этом черт ногу сломит!

— Эй, чего застыла?

Женщина хмурилась.

— Проверь, говорю, вещи и расписывайся в получении. До полуночи тут с тобой торчать?

Я быстро осмотрела форму, сложенный сверху плащ, точно такой, как у меня в комнате, только размером меньше и обезличенный. Это когда убирают все следы прошлого владельца.

Правда, мне казалось, что следы все же остаются. Иначе почему мне так нравится заматываться с головой и ногами в тот плащ, который нашли со мной? Спала я только под ним.

Быстро поставив подпись, я снова спросила:

— Так кто плащи брал?

— Я ж сказала, — беззлобно ответила тетка, — Лад Острованский и Милад Крапка.

— Спасибо.

Помню, пока тащила всю эту огромную мягкую кучу до своей комнаты, боялась не упасть и отшибить копчик, а забыть имена. В комнате первым делом записала их в тетрадь — то есть кучу листов, сложенных пополам и склеенных на середине. В особо толстых томах листы связывали бечевкой.

И вот через несколько дней, когда я подготовилась согласно требованию словесницы и меня допустили к занятиям, я чувствовала себя уже вполне уверенно. У меня было две подруги (пока, правда, неизвестно, насколько хорошие), еще одна почти подруга Соня, от которой, похоже, придется отказаться, уж больно она бешеная, информация о Ладе и Миладе (надеюсь, они не пара) и намерение во что бы то ни стало установить личность моего суженого.

Раз все в мире зависит от наших усилий — он будет моим!

В то утро, когда девчонки провожали меня в корпус словесников на мое первое занятие, я смотрела на каждого встречного, подходящего по росту, и всякий раз сердце екало — вдруг я сейчас увижу его лицо, загляну в его глаза и сразу узнаю? Тогда-то и наступит счастливая жизнь! Ух! Тогда у меня будет любимый человек, который меня обожает, и впереди — цветущее безоблачное будущее.

Но лица сменяли друг друга, глаза и волосы всех форм и расцветок проходили как модели по подиуму, и ни на одном сердце не дрогнуло. Молодые люди смотрели с любопытством, в большинстве своем доброжелательно, сплошь были симпатичными, и в любое другое время я бы постеснялась так настырно пялиться на всех незнакомцев подряд, да еще с которыми предстоит вместе учиться, но не в этот раз.

Тем обидней было понимать, что все напрасно.

— Катя, да ты просто хищница, — хмыкнула идущая по левую руку Белка. — Сразу целишься не в бровь, а в глаз.

— А мне кажется, она кого-то ищет, — негромко прибавила Лелька.

Я не ответила, но насторожилась. Они не могли знать мою историю, но как Лелька угадала?

— Ага, ищет уже неприятности на мягкое место.

— Я просто нервничаю!

— Да ладно, мне-то что, — пожала плечами подружка-злючка. — Но на всякий случай — не нервничай. И, кстати, послезавтра седмица, там проще всех разглядеть и выбрать себе мышь, если уж очень хочется.

— Кого? — удивилась я.

— Мышь. Ты — коршун, который хочет поймать мышь. В нашем случае — добра молодца, фигурой статного да лицом приятного.

Лелька рассмеялась. Я знала, что у нее был молодой человек Коловрат, причем встречались они давно и сразу по выпуску собирались пожениться, а вот злючка прозябала в одиночестве. Да уж, с таким характером...

Но мне она нравилась. Она не врала, говорила, что думала, причем считала, что только так и надо. Ну для подруг, может, и так, а ее молодому человеку я бы не позавидовала.

— А что такое «седмица»? — раньше я такого слова не слышала.

— Выходной. Все студенты в трактире собираются, пьют и танцуют. Это хоть и негласное сборище, но обязательное. Попробуй только не приди, — скисла Белка.

Да, понимаю, обязаловки я тоже не люблю. У нас тоже были мероприятия, от которых невозможно отказаться. То есть отказаться можно, конечно, силком не потащат, но после припомнят. Закончится, к примеру, посреди ночи у тебя сахар, магазины закрыты, денег нет — ходишь, просишь, а никто не дает, потому что на прошлой неделе все пили на первом этаже и орали под караоке, а ты в комнате отсиживалась с книжкой.

Вот и тут так же.

— А в чем туда идут?

— Да хоть в форме, все равно, — равнодушно ответила Белка.

— Но можно и красиво одеться, — быстро прибавила Лелька. — Присмотреться к остальным, себя показать. Мы там с Коловратом познакомились.

И она заалела. Подозреваю, они с Коловратом до личных дел не дошли. Я прямо не спрашивала, постеснялась, но вроде бы здесь допускается близость только после свадьбы. Конечно, некоторые и до успевают, судя по сплетням, и если об этом становится известно, ждет девушку осуждение, но не то чтобы совсем загнобят. А парням, ясное дело, ничего не будет, потому что вроде они всегда готовы и даже обязаны, так что беречь себя — обязанность женская.

С этой стороны очень повезло, что мы с Олегом ничего не успели. Он хотел, конечно, и даже настаивал, но я решила подождать хотя бы пару месяцев, чтобы проверить, насколько у нас крепко, все-таки девственность назад не вернешь, да так и не успела.

Интересно, а я та, первая...

Тьфу ты, напасть! Хватит думать о себе так, будто речь о ком-то другом!

— Ладно, иди. — Белка остановилась.

Оказывается, мы пришли к двери серого каменного здания, по сравнению с остальными корпусами очень даже скромных размеров. Разве что дверь гигантская, почти ворота. Огромная, из темно-красного дерева, из несколько раз наложенных друг на друга досок.

— Фух, — выдохнула я и потянулась к блестящей круглой ручке.

— Давай, ждем в общежитии. И не волнуйся, все будет хорошо, — успокоила Лелька.

Я кивнула и уверенно вошла. Моей целью было изучить группу на предмет суженого, но не удалось. Оказалось, в группе всего полторы дюжины студентов, причем все девицы, кроме двух парней, но те по росту не подходили.

Ну вот, так просто.

Мы познакомились, и началось занятие. Для группы — повторное, для меня — новое, по классификациям существующих в этом мире знаний. Оно делилось на колдовское и природное, или на человеческое и божественное, или на благостное и противное естеству.

Наша наука была бы у них отнесена к природным знаниям без божественной сути и колдовской силы. Наверное, если я правильно поняла суть.

В общем, к концу занятий я совсем запуталась. Тут все иначе, голова пухла от обилия новых определений. От высшей математики перейти к делению на божественное и колдовское... непросто. Так что в общежитие я брела как в воду опущенная.

АТМа была построена в саду. Натурально между зданиями свободно росли деревья,

причем явно росли изначально, а уже между ними проложили дорожки — протоптали тропинки и засыпали мелким камнем. Местами поставили лавочки, чтобы было где присесть. Наверное, летом тут здорово: все скрыто от посторонних глаз, зелено и отдохнуть приятно. Однако сейчас деревья голые, сквозь них окрестности как на ладони.

Раздался взрыв хохота, и я невольно обернулась.

Большая компания студентов расположилась на лавках, стоявших вокруг плоского куста. Там были и девушки, и молодые люди. Многие вполне подходящего моему расследованию роста. Но сейчас, в одиночестве, без Белки и Лельки, рассматривать посторонних было как-то неловко. Они болтали и смеялись, и меня влекло к ним, в ту сторону. Ноги так и тянули, но я не могла позволить себе подойти.

Пусть я прожила одна всего полтора года, но нужным чутьем обзавелась. Эта компания была не из простых студентов, это верхушка, элита. Наверняка папочкины дочки и сыночки. На большинстве девушек — пышные шубки вместо плащей, на парнях — дубленки с роскошным мехом, да и чувствуют они себя слишком свободно. Голос то и дело повышают, пыжатыся, друг перед другом выступают... В общем, сразу видно, что они ничего не боятся и делают что хотят.

К таким нельзя просто подойти и познакомиться. Если они посчитают, что ты не стоишь внимания, житья потом не дадут, изводить станут. Девушки, кстати, наверняка из того блока на третьем этаже, что для богатых. Их там всего несколько жильцов на половину этажа в огромных комнатах.

Пришлось отворачиваться и идти своей дорогой, но шея предала, сама собой разворачиваясь обратно. Может, там, среди них, мой суженый? Не зря же меня туда тянет. Или просто любопытство дергает?

Ах ты ж...

Кто это бросил на тропу сломанную ветку? Я споткнулась и вскрикнула от неожиданности, а компания дружно загоготала.

— Это на кого она засмотрелась? — весело крикнул девичий голос.

— Спроси!

Я встала с земли и отряхнула снег с рукавиц. Ха! А я их и не боюсь вовсе. Обернувшись, я улыбнулась. Чего скрывать, и правда забавно вышло, а смех сближает.

— Привет.

— На кого засмотрелась-то? — смеясь, повторила девчонка, стоявшая ближе всех. Блондинка, нос курносый, щеки красные от мороза.

Разве можно не воспользоваться таким шансом? Я быстро осмотрела молодых людей, раз уж они все уставились в мою сторону. И на каждом сердце, падлюка, подпрыгивало. Может, от нервов, вряд ли все они — мои суженые. Причем половина уже была занята: они только мазнули по мне глазами и вернулись к разговору. Один вообще повернулся спиной. А другой...

Высокий зеленоглазый молодой человек смотрел прямо, открыто и широко улыбался. И сердце снова подпрыгнуло, с готовностью реагируя на улыбку.

— На меня, может? — спросил он и неожиданно подмигнул.

— Ой, да скажешь тоже! — девчонки потеряли ко мне интерес и отвернулись, загородили его спинами, стали спрашивать о чем-то, втягивать в разговор. Заревновали, похоже, и сделали вид, будто меня и нет.

Ничего не оставалось, как только развернуться и уйти. Может, это он? Внешность у него

вполне. Он высокий, улыбчивый и вроде не хам. И сердце мое предательски стукнуло. Ага, как и десять раз до этого.

Я вздохнула. Наверное, придется рискнуть и рассказать подругам о своих поисках. Они же местные, наверняка смогут чем-то помочь. Посмотрю только на седмицу и тогда расскажу.

По моим подсчетам, седмица в местном календаре выпадала каждые две недели, на пятнадцатый день. И раз в три месяца она была особой, то есть какой-то совсем разгульной, судя по намекам.

К счастью, впервые ознакомиться мне довелось с обычной вечеринкой. Соседки с утра были на взводе. Кроме Лельки, у нее же Коловрат, чего ей переживать. А Белка, хотя и скрывала (неудачно), жутко нервничала. Не знаю, из-за чего. Выглядит она вполне. Будь она чуть ниже ростом или я чуть выше, мы могли бы сойти за сестер — цвет волос и глаз почти одинаковый, лицо у нее только более округлое и брови шире. Правда, я не такая гибкая. Она прямо как струна из-за физических нагрузок, а я все же домоседка, физкультуру уважаю на расстоянии. Соня превратилась в вихрь, который носился и дергался так, что хотелось выставить ее в коридор и захлопнуть дверь, чтобы не просочилась обратно.

Я надела на данное мероприятие выходной сарафан, мои светло-русые волосы Лелька уложила в сложную косу, повязала лентой — вышло неплохо, хотя и отдавало деревней. Но что жаловаться? Во-первых, я в деревне выросла и мне происходящие приготовления даже нравились, во-вторых, этот мир и был деревней по определению нашего. Разве что колдовской деревней. И это нравилось мне еще больше!

Идти пришлось далеко, я замерзла, даже крепко кутаясь в плащ. Жалко, что нельзя было взять тот, мужской, но он бы волочился за мной по полу как фата и сразу бы меня выдал.

На выгул наш женский выводок вел Коловрат. Невысокий, такой же плотный, как Лелька, которая держала его под руку. На меня он смотрел круглыми глазами и периодически шепотом удивлялся: «Ну надо же, иномирянка. Настоящая!» В общем, хорошо хоть трогать не пытался, чтобы убедиться в подлинности.

Мои сокурницы по группе словесности так же смотрели. Вот уж кто замучил меня расспросами про мой мир! А я старалась поменьше болтать на всякий случай. Вдруг расскажу что не то и заслужу дурную славу, а мне тут всю жизнь кантоваться.

Трактир стоял на улице за АТМа, в небольшом глухом дворе, вымощенном просто огромной брусчаткой, которую не смог скрыть даже снег, и окруженном тыльными стенами магазинов. Само двух-этажное помещение (на втором этаже располагались комнаты для съема) было очень длинным, деревянным, с низким потолком. Стены, пол, потолок, мебель — все из практически белого дерева. Деревом пахло так сильно, что даже аромат еды перебивало.

Мы уселись за один из свободных столов, большинство которых к тому времени уже заняли посетители. Длинный зал насквозь пронизывало открытое место, предназначенное под танцы, у стены расположились музыканты. Из инструментов я узнала что-то похожее на гусли размером с гитару, маленькие барабаны, свирель.

Пела девушка в ярко-голубом длинном платье с рукавами клеш. Такие, выходит, тут тоже носят. Но в зале все девчонки были в сарафанах или длинных юбках, только иногда встречался кто-то в форме АТМа. Белка, естественно, одна из них. И волосы у нее, как каждый день, туго стянуты в низкий хвост.

— Что будем пить? — перекикивая шум, спросил Коловрат — единственный среди нас

мужчина.

Девчонки заказали медовичку, а я компот. Не хотела в первый же вечер потерять голову.

— Ты так не расслабишься, не отдохнешь! — покачала головой Белка. — Хотя даже не знаю, что лучше на седмице — напиться вусмерть, чтобы ничего не видеть, или трезвой терпеть.

— Ничего, я пока так, привыкаю.

Закуски как таковой не было, какие-то жаренные с чесноком кусочки черного хлеба да шарики из соленого теста с начинкой из лука и масла. Музыка, танцы и выпивка. Вполне себе обычное дело. Правда, тут не существовало наркотиков, которыми у нас некоторые баловались (не я, клянусь!), ну или я просто еще о них не знала.

Выждав хорошенько, чтобы девчонки расслабились, я прикинула, к кому пристать с расспросами. Выходит, только к Белке. Она умная и скажет правду. Лелька не одна, значит, Коловрат будет подслушивать, а Соня так верещит, что вздумай она что переспросить, услышит весь зал.

Однозначно Белка.

Теперь придвинемся поближе, чтобы орать пришлось не так сильно. Ага. Белка видит мои поползновения, наклоняется... хмурится. Потом щелкает пальцами.

И вокруг образуется тишина.

— Это что? — вроде тихо, но люди как веселились, так и продолжают. Открывают рты и ничего не слышно. И музыканты играют без звука.

— Колпак это тихушный. Без него тут не поговоришь. Ты что-то хотела?

— Да. Я хотела спросить — тут все студенты собрались? Все до единого?

Белка пожала плечами.

— Все, думаю. Традиция. Ну разве что больные не пришли или кто по делу уехал, им простительно. Остальным нет.

Придется довольствоваться тем, что имеем, и надеяться, что моего суженого обстоятельства не вынудили пропустить эту самую седмицу. Не верится прямо... неужели он в этом самом помещении, так близко от меня?

Однако к делу.

— Белка, ты можешь показать мне Милада Крапку?

Она без вопросов завертела головой.

— Вон тот, стол буквой П, волосы светлые ежиком.

Сердце тут же стукнуло. Нет, ну какой из него компас, не даст даже найти, раньше времени срабатывает!

Милад наклонился к сидящему рядом парню, и они оба смеялись. У него было узкое лицо, широкие губы, и, в общем, он выглядел добродушно. Но...

— Какого он роста?

— Что?

— Он высокий?

— Ну, — Белка прикинула. — Чуть выше тебя.

— На сколько?

Кто знает, что, по ее мнению, значит «чуть».

— На ладонь.

Я скисла. Нет, не он. Слишком низкий.

— Слушай... а покажи мне Лада Острованского.

Белка промолчала, потом брезгливо сжала губы.

— Зачем тебе?

— Потом объясню. Он высокий?

— Да.

Что-то не жаждет она мне его показывать, и голос ледяной. В чем дело?

— Белка! Это очень важно.

Даже не представляю, что делать, если, к примеру, Лад окажется моим суженым, а одна из моих нынешних подруг будет его ненавидеть. Или, что еще хуже, будет в него влюблена. Тогда у меня не станет подруги. Вот бесовские козни!

— Вот он. Блондин.

И что же там, в той стороне? В кругу молодых людей сидел он. Тот самый молодой человек, который улыбался мне на улице, когда я споткнулась.

Сердце снова дернулось. Выходит, вот он? И плащ он брал, и реагирую я на него с большой готовностью. Выходит, закончились поиски, толком не начавшись?

Но вместо радости, что я нашла своего суженого, почему-то в груди затаились страх и горькая обида. Почему он меня бросил? Он веселится, выглядит здоровым, беспечным, проблем на первый взгляд у него никаких. И наверняка он меня узнал. Рассмотрел же в лесу, когда плащиком прикрывал. И после всего этого он вот так запросто подмигивает мне, умалчивает о случившемся и продолжает жить, как ни в чем не бывало?!

— Старший сын рода, надежда и отрада, — криво усмехаясь, сообщила Белка. — Бесит ужасно.

— Почему?

Не то чтобы мне было интересно, отчего Лад ее бесит, просто само собой спросилось.

— Терпеть не могу этих папенькиных сынков. Первые сыновья, на которых все надежды и чаянья! Их у нас несколько. Вон, вместе сидят — Лад, Бакуня, Волин, Гурьян и Жегло. Они друг друга держатся, конечно, как иначе. Когда займут главное место в роду, будет проще друг с другом о делах договариваться. Переженятся на сестрах друг друга, станут по крови братьями... Все им с рождения на блюде, а ведут себя так, будто ничем от остальных не отличаются. Ага, как же! Жалкое притворство! Вряд ли им пришлось с детства, как нам, вкалывать.

— А как нам пришлось?

Чужой болью прямо в грудь било. Не думала я, что успешная, на мой взгляд, Белка считает себя в чем-то второй. А оказывается, считает. Таится в ней эта беда, злит.

Она посмотрела на меня прямо, подумала.

— Зачем ты про него спросила? — вдруг задала вопрос. — Кто что тебе про него говорил?

Ну вот... она не может ответить на мой вопрос, а я — на ее. Особенно тут. Но похоже, поговорить по душам все же придется. Зачем нам недомолвки? Выясним подробности и останемся подругами. Надеюсь.

— Давай дома поговорим?

Она кивнула, но с тех пор смотрела на меня с подозрением, о чем-то тяжело думая, и больше не пила. Ее медовичка перестала пениться в стакане и выглядела, как тут говорят, конской мочой.

Вскоре народ совсем разошелся — танцевать отправились почти все. А так как места в трактире кот наплакал, танцующие скучковались и практически лезли друг другу на головы.

А кто не танцевал, стали перемещаться, бродить по залу, то и дело присаживаясь за другие столики.

Соня давно перебралась от нас в другую компанию, Лелька с Коловратом были заняты друг другом. Или танцевали, или просто сидели рядом, держась за руки и многозначительно переглядываясь.

И только мы с Белкой сидели как на иголках. Мне все время хотелось обернуться и посмотреть на Лада, а она от каждого раската смеха кривилась как от зубной боли, словно вообще не хотела находиться на этой проклятущей седмице. Мы не танцевали, к нам никто не подходил, казалось, мы белое, пустое пятно на цветной ткани веселящихся студентов.

Ну все! Нужно пойти домой и поговорить.

— Эй, девчонки, что это вы такие грустные? Может, потому что без нас скучаете?

На плечо опустилась рука. Я оглянулась — это был парень из компании Лада. На нем поверх тонкой рубашки была кожаная безрукавка. По местным меркам вещь дорогая, по нашим, выходит, пафосная, что-то вроде фирменных шмоток. Это один из Первых сыновей, как их обозвала Белка. То есть сынок олигарха, по-нашему?

Возле него стоял Лад собственной персоной и широко улыбался, переводя взгляд с меня на Белку. При виде моей подруги-злючки, правда, улыбка слегка померкла. Одет проще, в плотную серую рубашку, но ему такая простота даже идет.

Судя по росту, оба могут быть моими сужеными.

— Катя, — машинально представилась я, думая, что каждый из них может быть им, каждый! И каждый раз чертово сердце екает, обманывая!

Это что, значит, я кого угодно готова считать своим суженым? Абы смазлив был, высок да крепок? Ну и, понятное дело, Первым сыном, раз уж тут это круто.

— Гурьян, — представился тот, что в жилетке, не убирая руки с плеча. Пришлось им многозначительно дернуть — рука тут же исчезла.

— Лад, — представился зеленоглазый. — Очень приятно, Катя. А с Белкой мы уже знакомы.

— Еще бы, — многозначительно хмыкнул Гурьян, и мне это хмыканье сильно не понравилось. — Так что, не хотите к нам за стол? Познакомимся, поболтаем. Середина года, а у нас такая диковинка! Новое лицо, да еще такое симпатичное!

Я повернулась к подруге и скорчила умоляющую мину. Белка, пожалуйста! Пойдем, ну пойдем? Даже на месте чуть не подпрыгнула, это ж какое везение — оказаться с ними за одним столом и рассмотреть поближе!

Белка молча кивнула и нехотя поднялась. Гурьян повел нас за собой сквозь толпу, которая то и дело толкалась, Белка шла за мной, замыкал шествие Лад.

Компания оказалась той самой, которую я встретила на улице в первый учебный день, когда споткнулась. Не знаю, узнали меня или нет, но никто о данном происшествии не напомнил. Да и вели они себя вполне дружелюбно: улыбались, шутили и не смотрели сверху вниз.

Белка, однако, сидела недовольная, насупившись, вытянувшись как на иголках, сложив руки на груди, и молчала. Даже у меня отпадало желание с ней заговаривать. Гурьян сел рядом с одной стороны, Лад на углу с другой, а с угла устроилась Белка.

— Не боишься, что семь лет замуж не выйдешь? — улыбаясь, спросил ее Лад. Она проигнорировала, вцепилась в свой стакан, который забрала с нашего столика, но пить не стала. Подозреваю, ей хотелось выплеснуть напиток Первым сыновьям в лица, но

воспитание не позволило.

— А ты откуда, Катя, взялась? — спросил Гурьян.

Я повернулась к нему. Глаза голубые, лихие и пьяные, в руке — очередная кружка.

— Да, откуда? — К нему придвинулась девушка в красной блузке с рукавами-фонариками. — Болтают, ты иномирянка. А на самом деле?

— Я на самом деле иномирянка.

Так, а теперь быстро пробежимся по всем. Вдруг кто себя выдаст?

У Гурьяна челюсть натурально отвалилась. Лад смотрит... грустно?

— А я говорил, что она иномирянка! — жестко сообщил самый тощий из них. — А вы — да ну, да не может быть, да не выдумывай!

— Это Бакуня, — кивнул на него Гурьян. — Да, но откуда ты знал?

Бакуня нервно пожевал узкими губами.

— Дядька у меня в сыскном отделе начальником. Рассказывал, что нашли девчонку в лесу. Потом отправили в АТМа учиться. А новенькая у нас только одна!

Ой как нехорошо! А если он знает, как я попала, то есть что меня суженый вызвал, и сейчас растреплет? Вот будет непруха...

— Никогда не видел иномирянку, — с сомнением сказал парень, который сидел в обнимку с беловолосой голубоглазой девчонкой и впервые обратил на нас с Белкой внимание.

Хороший экземпляр. Глаза серые, ровные, как будто зеркалят, но смотрит без особого интереса.

— Это Волин, — представил его Гурьян.

— В нашем роду была иномирянка два поколения назад, — сказала девушка, которую Волин обнимал за плечи. — Не помню, как она тут оказалась, но говорят, почти сразу свихнулась и до конца жизни что ни день — в одном исподнем из дома выскакивала. Говорят, у них что-то с головой случается при переходе, многие становятся опасны. Наша бегала все время в лес, не хотела в доме сидеть. Залазила на деревья и выла, как одичавшая собака.

— Кажется, я ее понимаю, — перебив, неожиданно громко заявила Белка и демонстративно сложила руки на груди. — Из некоторых мест и голышом выскочишь, Наяда, если такие, как ты, трутся поблизости. И взвоешь не хуже волка!

— О, она опять завелась. — Лад скопировал позу Белки, сложив руки на груди. — Ну давай, заводи свою волюнку про богатых и нищих, про честных и приличных и про насквозь испорченных от рождения. А то давно не развлекались.

Белка покраснела, но вызывающего взгляда не отвела. Говорить тоже ничего не стала. Наяда прямо Белке не ответила, только шумно вздохнула и капризно сказала:

— Гурьян, зачем вы их привели? Ну, иномирянка, ну, любопытно, ну, поглазели... Все, может? Хватит уже, отправь их обратно.

— Ага. — Девушка в красном обняла Гурьяна за локоть и прижалась к его плечу. — Посмеялись и довольны. Пусть идут прочь своей дорогой.

Белка хмыкнула, как будто заранее ожидала услышать что-нибудь подобное. Потом вытаращилась на Лада.

— Ой! — испуганно округлила глаза. — А на тебе что, сегодня никто не повиснет?

— Говори, да не заговаривайся! — с дальней стороны стола возмутилась третья, брюнетка с острым лицом, которая обнималась с последним из числа Первых сыновей,

следовательно, звали его Жегло. Он был плотноват, смугл и единственный не участвовал в последующей сваре.

Белка как сплевывала слова, а Наяда, Корка (так звали девушку в красном) и жегловская Аташа наперебой оскорбляли ее. Короче, все встало с ног на голову, и знакомство неожиданно-негаданно превратилось в банальный женский скандал. А Первые сыновья сидели себе, кто недовольно морщась, кто откровенно скучая. Лад, прищурившись, казалось, наслаждался происходящим, но остановить вакханалию криков не пробовал.

Не ожидала я такого... приема. Они нас действительно позвали из любопытства, поглазеть на иномирянку? А что за намеки на Белку с ее заскоками? Но получается, всерьез нас никто не воспринимает? Так, небольшое развлечение на случай скуки?

Обидно. И еще — напасть втроем на Белку, которая, между прочим, сразу сидела с таким видом, будто придется отбиваться. Наверное, в отличие от меня знала, куда мы суемся, но даже не пробовала отговорить. Действительно, я бы не поверила, а теперь увидела все своими глазами и сделала выводы. Дружбы с этой компанией у нас не выйдет.

Но и оскорблять себя позволять нельзя! Пришлось вскочить, чтобы хоть как-то отвлечь этих змей от Белки.

— Хватит!

У меня гипертрофированное чувство справедливости, говорили в общаге. Если все смеются над убогим, я его защищаю. Если все ругают глупого, я его оправдываю. Не знаю, правда это или нет, но...

— Что вы на нее накинулись? — закричала я, чувствуя, как к щекам приливает кровь. — Мы к вам за стол не напрашивались! Да и знакомство, честно говоря, оказалось не из приятных. Вы мне не нравитесь! Белка, пошли отсюда!

Развернувшись, я направилась прочь. Белка, конечно, сама начала и первая нагрубила, но эта Наяда явно пыталась меня оскорбить, сравнив с полоумной родственницей. Мне, кстати, наплевать, я же дитя цивилизации и не такое мимо ушей пропускаю, а Белка вон как разозлилась, у них оскорбления совсем не терпят. Или она тоже гипертрофированностью страдает?

Ух, не заметила, как на улицу выскочила. А вещи-то в таверне остались. А на улице хорошо... Свежо, темно, сугробы под ногами... Дверь открылась, и рядом встала хмурая Белка, тоже без плаща. Может, объясниться хочет?

Нет, молчит и даже отворачивается, как будто ничего не произошло. Спросить, что ли, почему она напрашивалась? Одна против слаженно действующей своры? Зачем? Ведь не первый день они знакомы, знала, чем дело закончится.

Или не знала? Откуда ей знать, что я от своих не отступаю и в обиду не даю? Что и послать могу, когда нарываюся? Дверь снова открылась, и на улице, выпустив клубы пара, показался Лад, несший наши плащи.

— Так и думал, что вы сюда выскочите. Бежали как ошпаренные. Держите.

— Ой, спасибо! — сказала я.

Было очень приятно и неожиданно, что о нас кто-то подумал, да еще из числа той высокомерной компании.

Белка молча взяла свой плащ, ее лицо перекосилось, и выдать слов благодарности она не сумела. Впрочем, Лад и не ждал.

— Пойдемте, я вас провожу. Вы не против? — спросил он, смотря на меня и застегивая свою дубленку из овчины.

— Не против? По всему выходит, он мой суженый. Почти на сто процентов. Доказательство — плащ, рост и сердце. Хотя... Сердце, конечно, екает, дыхание перехватывает, но я вообще люблю красивых парней, а Лад очень неплох. Глаза так и сверкают, сразу видно — заводила.

— Не против, если ты не будешь грубить, — решила я, раз уж Белка молчит.

Впрочем, ее не спрашивали.

— Не буду, если вы первые не начнете, — спокойно ответил он.

— Договорились. Мы вообще мирные. Да, Белка?

Она что-то промычала и пошла дальше. Нам пришлось догонять и спешить следом, потому что вровень Белка идти не хотела: стоило сравняться, тут же вырывалась вперед.

— Ты не злишь, — торопливо пыхтя, потому что Белка бежала быстро, говорил Лад, — что мои друзья... разругались. Мы правда не думали над вами смеяться. Просто хотели познакомиться.

— А мне показалось, вы всегда так себя ведете. Со всеми.

— Ох, только не нужно брать пример с некоторых, которым везде мерещатся злодеи да извращенцы! — крикнул Лад в спину Белке. — И которые в каждом слове видят смертельное оскорбление своей персоне!

Та не отреагировала.

Вот черт, я не понимаю... То есть, будь я в своем мире, заподозрила бы, что они друг к другу равнодушны, раз постоянно ругаются. Но как такое может быть, если он мой суженый? Как ему может нравиться другая девушка? Или они действительно друг друга терпеть не могут?

А я не подумала... Холод тут же заскользил по венам вместе с кровью. Может, он меня оставил там, в лесу, потому что любит другую?

А зачем тогда вызывать суженую?! Да как я — встречаясь с Олегом, захотела сказки. На тебе, Катенька, сказку, наслаждайся!

— Ты еще злишься, — вздохнул рядом Лад и вдруг взял меня за руку. — Не зря вы с этой дикой кошкой подруги.

В ответ Белка так припустила вперед, что каблуки застучали, как чечетка, и пропала на горизонте. Мы остались посреди темной улицы одни. Совсем одни. Никого вокруг, только луна светит. Может, прямо в лоб спросить: ты мой суженый? Нет, так не пойдет, испугаться может и онеметь, говорят, такие случаи были. Лучше издалека подходить. Может, сам признается?

— А ты на кого учишься?

— Так... — он задумчиво почесал кончик носа.

— Стой, стой! Не говори, дай угадаю. Вы все — боевые колдуны! — воскликнула я. — Точно?

— Ну... скорее, мы все учимся по специальной программе. По индивидуальной то есть.

— Да?

Такого я не предвидела. В нашем мире папины сынки обязательно учились бы на самых престижных факультетах. Местный аналог — боевые колдуны, ведь кто может быть круче? А тут они по особенной программе обучаются? Не знаю, что и сказать. Наверное, индивидуальная — это вообще недостижимая высота.

— Я же Первый сын, — небрежно бросил Лад.

— Знаю.

— Ну конечно! Белка тебе уже наплела, какие мы мерзкие паразиты на теле рабочего

люда.

— Нет, ничего такого она не говорила.

— Скажет еще, — уверенно сообщил Лад. — Так вот. Нас тут пятеро, тех, кто в будущем будет управлять родом, и ради пятерых целый курс основывать нет смысла, а учить нужно большому, так что мы все — на индивидуальном обучении.

— Ясно.

— А тебя куда пристроили?

— В группу словесников.

— Что? — пренебрежительно фыркнул Лад. — Вот не повезло так не повезло. Тебе не сказали, что это самая глухая профессия? Словесников — что тех собак! Одним больше, одним меньше... Надо было на целителя хотя бы идти. Обращайся к своему радетелю, требуй смены. Это же смешно...

— Я поняла!

Что-то мой суженый мне катастрофически перестает нравиться. Вот тоже вопрос: а если я его найду, познакомлюсь и окажется, что он премерзкий тип и я просто благодарна за то, что меня оставили в лесу и лишили его общества? Что позволили начать свободный полет? Так тоже может случиться?

— Ну ладно, не злись. Что я такого сказал? — с недоумением спросил Лад.

— Ничего, разве что оскорбил мой выбор профессии.

— Ты сама выбрала словесников? — его глаза очень красиво полезли на лоб.

— Именно. По мне, так это занятие очень важное — учить детей грамоте. Но тебе, кажется, не понять.

— Хм. Ну да.

Разговор, в общем, не задался. Хотелось рвануть вслед Белке, подальше от этого провожатого, что я и проделала.

— Подожди!

Лад не отставал. Догнал и затормозил, схватив за руку.

— Слушай, давай заново начнем?

— Что начнем?

— Познакомимся.

— Зачем?

— Ну, — он пожал плечами, — не люблю, когда девушки на меня сердятся.

— Лад, скажи... зачем тебе делать так, чтобы я не сердилась?

Ключевой вопрос! После него молодой человек обязан признаться в симпатиях, ну, если они имеются, потому что иных объяснений вопрос не предусматривает. И правда, ну зачем еще начинают заново?

Лад нервно пожал плечами.

— Просто так.

Ох, что-то он недоговаривает!

— Лад, а у тебя девушка есть?

— А что? Ты хочешь быть моей девушкой? — тут же поинтересовался он. — Или от этого зависит, начнем ли мы заново?

— Просто любопытно.

— Есть, — ответил он, в очередной раз пожимая плечами. — Но у нас с ней ничего серьезного. Так что, мир?

Что с ним делать, ума не приложу.

— Да мы вроде не ссорились.

— Тогда, может, в гости пригласишь?

— Но-но! Попридержи коней-то. Ишь, разогнался!

Он вдруг нахмурился:

— Странная ты какая-то, нервная.

— Я не странная! Просто в нашем мире не приглашают малознакомых мужчин в гости.

У вас, между прочим, тоже. Не думай, что я не знаю.

— Да?! Но мы же не одни будем. Посидим на кухне, пригласишь подружек. Хочешь, я кого-нибудь из друзей приведу?

Мутный он, как пить дать, что-то задумал!

— Лад, я уже устала. Дай немного отдохнуть. Или ты немедленно в гости собрался зайти?

— Нет, зачем немедленно? Поздно уже. Завтра зайду. Ну пока, Катя.

Как раз к общаге подошли. Лад остановился, замер на месте, хлопая глазами, и стал чего-то ждать. Надеюсь, не поцелуя? Даже если он мой суженый, нужно вначале к этому привыкнуть. Не могу я с первым встречным целоваться, и все тут!

— Ты чего стоишь? — спросила я. Сам объясняться он явно не собирался.

— Жду, пока ты войдешь в дом. Так принято. Не могу же я тебя на улице бросить?

— А! Ну да.

Хорошо, что о поцелуях речь не завела. Вот бы опозорилась так опозорилась.

В общаге было совсем тихо. Впервые коридоры гудели от гулких шагов, когда я шла. Жутковато, честное слово. Белка пропала, наверное, спит уже. Завтра придется начистоту поговорить с обеими подругами. Чувствую, своими силами мне не разобраться, кто он, без помощи не узнать. По фактам выходил Лад, но интуиция помалкивает. Да и как доказать?

Утром, кажется, вовремя только я одна и встала. В коридорах пусто, чайник на печи полон воды, я первая чай наливаю, хотя обычно мне остатки достаются, почти холодные.

Только Белка пришла — подтянутая, тщательно расчесанная, сна ни в одном глазу. Правда, бледная очень и выражение такое заумно-высокомерное, как и положено отличнице.

— Привет.

— Привет, Катя. Тихо как, слышишь? Все спят.

— Похоже на то.

— После седмицы всегда так бывает.

Она замолчала, видимо, посчитав беседу завершенной, отрезала от буханки, которую нам приносили на рассвете, кусок хлеба и намазала маслом. Это, кстати, мне нравилось в укладе общежития больше всего. Продукты доставляли бесплатно. Простые, но достаточно, чтобы хватало на всех. И хлеб, и овощи, и сухофрукты, и даже мясо. Так что мы договорились и готовили с девчонками по очереди: в три раза легче и все сыты.

Ладно, не о том сейчас.

— Белка, можешь вечером ко мне зайти? Хочу кое-что рассказать.

Она откусила кусок хлеба, сосредоточенно прожевала и с трудом проглотила.

— Это насчет Лада?

— Разговор? Нет, — руки сами взлетели в жесте отрицания.

Почему, кстати, я сразу отрицаю? Вдруг он на самом деле мой суженый? А я даже не знаю, хочу ли этого...

— Ладно, найду.

Завтракать она продолжила молча.

Мне же терпения вкушать пищу смиренно никогда не хватало.

— Белка, а почему вы с ним на ножах? Что произошло? Понятно, что ты его недолюбливаешь, но почему? Он тебя обидел?

Она нервно пожала плечами, но у меня есть такой профессиональный вопросительный взгляд, умоляющий, скопированный из мультика про печеньки, который я тут же воспроизвела.

— Ну ладно, — сжалась подруга. — Ничего особенного, история короткая. Когда я в прошлом году пришла на первый курс, он уже третьекурсником был, да еще Первый сын. Короче, звезда местная. Так вот, он предлагал мне с ним встречаться. Если так это можно назвать.

— Да ты что?

Я чуть не подавилась. Больше ожидала какого-нибудь классового недопонимания, нелюбви бедной к богатым, может, из-за денег конфликт был, а тут, оказывается, такие дела!

— А ты?

— Что я? Отказала, конечно!

— Но почему? Он тебе разве не нравится? Он же прикольный!

— Не в этом дело.

— А в чем тогда?

— Ты не понимаешь? — она вдруг сглотнула. — А, ну ты же иномирянка. Понятно почему. Он — Первый сын, я — шестая дочь.

Вот об этом и речь! О простых, по ее мнению, вещах я и понятия не имею! Нужно рассказать обоим подругам про суженого, чтоб помогли.

— Ну и что? — осторожно поинтересовалась я.

— Ну и что?! — она гневно нахмурилась. — В вашем мире, может, и ничего, а тут очень даже что. Никогда на мне не женится Первый сын! Он может заливать, как тебя любит и на все ради тебя пойдет, но это только слова! Женятся они по расчету, по указке родителей. А временным развлечением я быть не хочу.

— Ну зачем так далеко заглядывать? Можно просто пока пообщаться с приятным тебе человеком. Зачем сразу строить планы аж до замужества? Почему бы пока не провести весело время? Учебные годы самые веселые, должны быть и интересные!

Она с прищуром усмехнулась.

— Сразу видно, не уважаешь ты себя, Катя. У вас весь мир такой?

— Почему не уважаю? — опешила я.

— Весело провести время? Искать надо одного-единственного, такого, чтобы прикипеть навеки, и душой, и сердцем. Растратишься на временные удовольствия — упустишь главное, — уверенно сообщила Белка. — Будешь весело время проводить год, два, потом хватить — а уже жизнь прошла, а ты так и не нашел ничего, кроме пустого веселья. Ничего у тебя нет, никому ты не нужен, и впереди только пустая, одинокая старость. Я видела таких людей — всю жизнь жили одним днем, веселились, а умирали в тоске и одиночестве. Нет, мне нужна семья, дети, внуки.

— Ты рассуждаешь как старушка!

— Нет! Бывают девки, которые хотят только гулять, их даже судить глупо. Природа зовет, а они сопротивляться не могут. Мне их всегда жаль было, потому что они быстро

обтреплются, как те тряпки, и уже никому не нужны. А я просто другая и точно знаю, чего хочу.

— Ну хорошо, хорошо! Предположим, ты права, не хочу спорить о морали, она разная. Но с чего ты решила, что будущего у вас не может быть?

Белка улыбнулась, как несмышленищу:

— Ну ты скажешь тоже!

— Неужели у вас не было случаев в истории, где Первые сыновья женились бы на... шестой дочери? Или вообще на пятнадцатой!

Она нахмурилась.

— Ну были, конечно.

— Тогда почему?

— Это не тот случай, — Белка пренебрежительно махнула рукой. — Там обстоятельства были другие и люди серьезные. Это не про Лада. Когда я только появилась в АТМа, он и со мной познакомился. Легко так, сам подошел, вот как с тобой сегодня — все шутки да прибаутки. Девушка у него была тогда, тоже из Первых дочерей. Он тоже вот так на седмице все глазки мне строил, так и увивался, прямо при ней. Я еще глупая была, не понимала, что к чему, а через несколько дней он заваливается ко мне в комнату — взлохмаченный, рубаха расхлестана, глаза горят — и заявляет, что он бросил свою прежнюю девушку, потому что решил, что теперь его девушкой буду я. Представляешь?

Белка фыркнула с таким презрением, будто рассказала историю, которая должна ужасать и возмущать. Жалко, мне, иномирянке, ничего не понятно.

Так, постараемся рассуждать логически.

— На мой взгляд, он поступил правильно — расстался с прошлой девушкой перед тем, как предложил встречаться тебе. Или лучше было бы, если бы он встречался и с тобой, и с прежней? Я не понимаю, почему ты оскорбилась.

— Ха! Предложил? Ты еще скажи — попросил. Да потому что он пришел с таким видом, будто я должна на колени пасть и рыдать от радости, что он изволил обратить на меня внимание! Сделал мне одолжение и предложил встречаться. Конечно, ему-то что — в следующем году придут новые девушки, он меня в отставку за ненадобностью и новую будет очаровывать. Вон как тебя. Его на многих хватит! — она нервно засмеялась.

— Белка! Но если для тебя так важно по-серьезному, могла бы спросить. Рассказать ему, что тебя волнует, возможно, все бы и наладилось.

— Я сказала, — тихо ответила она.

— А он что?

— Ответил, что не стоит пока голову ломать о надуманных проблемах. Жениться в ближайшее время он не собирается, мне замуж тоже рано, так что нужно выбросить все из головы и просто наслаждаться жизнью, пока мы молоды и свободны от долгов перед родом. Ну, примерно как ты говорила. Только ему можно так думать! Он же мужчина, его дело как раз просто веселиться. Надо будет, прикажет отец — женится на ком-нибудь и дальше продолжит веселиться как ни в чем не бывало. В общем, меня это не устроило. Он, кстати, так и не понял, почему я сказала «нет». Переспрашивал несколько раз, и вид такой ошеломленный был... До сих пор помню. Еле вытолкала.

— Может, он...

— Да не может! — прервала Белка. — Я когда ему все высказала и за дверь выставила, так он уже на следующий день с новой девицей ходил за ручку. Вот тебе и влюбленный по

уши.

— Какой глупец! Да он по глупости наверняка! Тебя ревновать хотел заставить!

— Хватит, Катя. И вообще, тебе не все ли равно? — напряглась она. — Хочешь с ним встречаться — пожалуйста, я на пути стоять не буду. Твоя жизнь.

— Да я...

А что я, кстати? Пока мы разговаривали, из головы напрочь вылетело, что Лад может оказаться моим суженым. Их история выглядела размолвкой двух людей, которые выдумали несуществующие препятствия, и мне из всех сил хотелось эти препятствия разрушить, чтобы свести влюбленных вместе. Но если он действительно мой суженый, а не ее, значит, Белка была права, когда думала, что ей предложили временные отношения. На период перебеситься, как говорят про парней. С ней перебесился, на другой женился.

Не хотелось бы, чтобы со мной так кто-нибудь поступил.

— Так что, — спросила Белка, сжав пальцы, — он предложил тебе встречаться? Да?

Да уж, как все запутано.

— Нет. Дело в другом, вечером расскажу.

Нужно бежать, потому что проблему мою в двух словах не изложишь.

— Белка, я хотела Лельку вечером тоже позвать, только... она знает про тебя и Лада?

— Немножко. — Белка тут же отвернулась к окну. — Я не рассказывала, она сама догадалась, что между нами нет мира. А что?

— Хочу вечером разговаривать без утайки, ничего ни от кого не скрывать.

— Ладно, хватит краски сгущать, — Белка глянула на кухонные круглые часы. — Говори свободно, мне от нее прятать нечего. А теперь пошли на занятия, а то опоздаем.

Мы уже выходили из общаги, когда остальные девчонки с этажа только выползали умываться. Кому-то сегодня здорово влетит!

И правда, на занятиях присутствовало только пять человек. Преподаватель правописания аж весь покраснел от злости и постоянно бурчал под нос, что эти пьянки, которые в обычае АТМа, до добра не доведут.

День тянулся отвратительно медленно, особенно теперь, когда я собралась посвятить в свои проблемы подруг. Что они скажут? Что посоветуют? Прямо язык чешется немедленно все рассказать!

— Посмотрите на нашу Катерину! — выйдя из терпения, под конец занятия кричал преподаватель. — Только она способна научить детей уму-разуму, потому что приходит на занятия бодрой, собранной и подготовленной к учебе! На месте не может усидеть от переизбытка энтузиазма! А вы? Да вы всего и сможете, что лошадь научить жевать! Стыдно!

Все вздыхали, но украдкой продолжали зевать и укладывать голову так, чтобы можно было подремать.

Когда я пришла в общежитие на обед, Белка уже заканчивала есть, а Лелька, мужественно схватив чищеную морковь, заявила, что сегодня обойдется без обеда.

В любом случае на кухне, где жительницы этажа не только готовили, а и ели, и просто заседали, когда хотелось компании, потому что там просторно и стояло несколько столов, сейчас было слишком людно, чтобы серьезно разговаривать. Придется вечером в комнате: там тесно, зато никто не подслушает. Конечно, можно попросить Белку поставить на кухне тихушный колпак, но это все равно что встать посередине и проорать: «Внимание! Все обратите внимание! Сейчас мы будем секретничать, все слышали?!»

— Убегаю. Сегодня сложные упражнения на медитацию, у меня с этим делом

проблемы. — Белка быстро сполоснула свою тарелку, поставила в буфет с общей посудой и схватила сумку. — Вечером мне бы в библиотеку, найти методики отрешения от текущего. Как раз группой собрались идти, но я откажусь, если разговор в силе.

— Конечно! Пожалуйста, откажись!

Я готова ее умолять, потому что знаю, как сильно Белка ценит учебу. Она как голодающий, которого впустили на рынок и разрешили есть все. Отрывать такого человека от знаний — кощунство, придется идти на обмен.

— Я не обойдусь без твоей помощи. А взамен, если хочешь, завтра пойду с тобой в библиотеку, и до темноты будем искать книги, которые тебе нужны. Хочешь?

— Хочу, — быстро ответила она.

Вот хитрюга! Кажется, таков и был ее план — заманить меня и заставить корпеть в библиотеке над пыльными талмудами величиной с теленка. Однако Белка слишком быстро ходит, уже унеслась, и только Лелька со своей морковкой в обнимку смеется, глядя на меня.

— А что вечером в силе?

— Точно, я же забыла сказать! Лель, приходи вечером, а? Ко мне в комнату, как стемнеет. Поговорим. Мне нужна ваша помощь.

— Хорошо.

Послеобеденные занятия по географии даже отвлекли меня от нетерпеливого ожидания, когда готов на месте подпрыгивать, отсчитывая секунды. Других стран тут было множество, и мир огромный, как Земля, с океанами и пустынями. А вот других разумных рас не было, хотя вначале я надеялась на оборотней или вампиров. Нет, никого. Оборотни как бы были, но это последствия отклонений колдовской силы, как и вампиризм. В общем, такие себе колдовские болезни.

Хотя о чем я жалею? Здесь, в этом мире, было колдовство!

Знаете ли вы, что такое колдовство? Это когда ты упала в темную пещеру, откуда нет выхода, а значит, ждет тебя долгая мучительная смерть. Но стоит призвать на помощь колдовскую силу, как вокруг вспыхивает свет, твердь земная расходится, и ты в окружении мерцающих ангелов и трепещущей духовной музыки выплываешь на поверхность, к сияющему небу и к безопасности.

Вот что это такое.

Только у меня, увы, колдовских способностей нет.

Зато у меня уже есть суженый, верно? Правда, при этой мысли почему-то Лад перед глазами не появляется. Гурьян, и то скорее бы мне подошел.

Смешно, если честно. Перебираю Первых сыновей, как будто мне кто их предлагает.

На месте мне определенно не сиделось. На ужин я от нервов пожарила огромную сковороду картошки с луком, Лелька привела Коловрата, и мы плотно поели. Всем понравилось. Готовить я умею всего несколько блюд, зато готовлю их идеально. Картошку жарю волшебную. Еще капусту хорошо шинкую, яичницу делаю такую, чтобы прижаренная, а желток целый, и кашу варю рассыпчатую. Вот и все мои поварские умения.

В общем, удалось день забить делами, хотя нервных сил ожидание вымотало немерено. Когда мы наконец собрались в моей комнате, уже хотелось просто лечь и лежать с закрытыми глазами. Желательно до утра.

— Ну давай, рассказывай.

Белка устроилась на кровати, рядом с ней села Лелька, так что пришлось моститься на стуле. Все равно больше сидеть негде. Не на полу же.

Надо вздохнуть поглубже, потому что не так-то просто признаваться, да еще и когда на тебя пристально таращатся две пары любопытных глаз.

— Вы знаете, что я иномирянка?

— Ну да.

— Но не знаете, почему я сюда попала.

Девчонки промолчали, ожидая продолжения.

— Никто не знает подробностей, поэтому пообещайте мне молчать. Лелька, чтобы даже Коловрату ни слова! Иначе не расскажу ничего.

— Ну ладно, — нехотя выдавила она.

— Обещаю, — кивнула Белка. — Давай, не тяни!

— Меня призвал суженый.

— ЧТО?!

Они завопили одновременно. Лелька подскочила с кровати, а Белка сдержалась, только переспросила:

— Тебя вызвал суженый? Он провел обряд поиска и боги вытащили тебя из своего мира и ему перенесли? Но где тогда он?

— Хороший вопрос... Да, так и было. Но это не все. Дальше... все не так радужно. Вот, я лучше буду по памяти говорить, как в отчете княжеского сыскаря было.

— Начинай!

Да, таких восторженных лиц я у них еще не видала. Приятно, конечно. Жаль, история моя не так радостна, как кажется на первый взгляд.

— В общем, по его версии, несколько студентов АТМа в последнюю ночь Гадальной недели пришли в лес под Гораславлем и провели обряд поиска суженой. Они просто баловались, но у одного из них поиск сработал. Однако он испугался и никому об этом не сказал, не признался друзьям. К тому времени, когда я появилась, компания разошлась. Мой... не знаю как его называть, вернулся в лес один, нашел меня, прикрыл плащиком, поставил колпак и свалил. То есть сбежал, предварительно подчистив следы. Сыскарь не знает, кто он.

Молчание затягивалось. Улыбка спала с лица Лельки, а Белка просто отвела глаза и вздохнула.

— Мой радетель пристроил меня сюда, в АТМа, потому что этот мой... черт, для начала мне бы хотелось придумать, как его называть. Суженым не могу, язык не поворачивается, все же он меня в снегу бросил, а вот как?

— Собакой? — спросила ледяным голосом Белка.

— ОНО? — предложила Лелька.

— Нет...

— Знаю! Чпо!

Лелька согласно хмыкнула.

— А кто это?

— Это такое глупое существо с короткой памятью, которое никто не уважает и все недолюбливают. Для колдуна — страшное оскорбление!

— Ну, это как-то жестко, — засомневалась я.

— Жестко? — Белка воинственно ощерилась. — Он тебя бросил в лютый мороз в снегу, прячется теперь как последний трус, а ты что, жалеешь?

— Да наверняка что-то случилось! Может... Короче, всегда есть объяснение. Я

собираюсь найти его и спросить, что произошло. Почему ему пришлось так со мной поступить!

— Ты же говоришь, сыскарь прямо указал, что вызвавший просто испугался. Знаешь... они ведь никогда не ошибаются. Это их колдовство такое — чутье.

— Я не верю! Все ошибаются!

Ну вот, настроение испортили! Вроде и не ждала, что они встанут на мою сторону, а все равно неожиданно.

— Ладно, — Белка примиряюще подняла руку. — Не будем спорить, верь, если хочешь. Теперь дальше. Если я правильно поняла, ты тут не просто образование получаешь, ты ищешь своего суженого среди студентов АТМа?

— Да.

— Ну и как ты собираешься его найти?

— О! — Я вскочила, доставая плащ из сундука в ногах кровати, который здесь использовали вместо комода. — Смотрите, это он оставил, когда... ну, там в лесу.

Белка пощупала плащ.

— Никаких следов.

— Ну конечно! — Я вырвала плащ из ее рук и накинула на плечи. — Смотрите длину. Значит, он выше меня почти на голову, верно?

— Да.

— Потом я спрашивала на складе. Так вот, в тот день, когда я пришла, двое брали новые плащи. Милад Крапка и Лад Острованский!

О, мое признание произвело фурор. Лелька открыла рот, а Белка застыла, и только глаза суматошно бегали из угла в угол, как те тараканы.

— Милад не подходит по росту, — но тут мое воодушевление поостыло, и я призналась: — А Лад... что-то не лежит у меня к нему сердце. Но как искать дальше, я не знаю, так что надеюсь, вы мне поможете.

— Так, ладно. — Белка схватила за волосы, как будто собиралась оторвать себе голову, но вовремя остановилась. — Получается, это произошло в последнюю ночь Гадальной недели?

— Да! Можно проверить, кто был в отъезде! Кого в АТМа не было!

Как я раньше не подумала?

— Да все были в отъезде. АТМа пустая стояла, это же выходные были, вся неделя! — ответила Лелька.

— Что еще тебе известно? — деловито продолжала Белка.

— Он поставил надо мной колпак для защиты жизни. Кто такое колдовство мог сделать?

— Не поможет, такие колпаки могут все колдуны, это простейший уровень, — вздохнула Леля.

А Белку уже несло, она бормотала без остановки:

— Так, давайте подумаем. Тебя вызвал... чпо. Потом он тебя бросил. Почему? Потому что испугался. Чего мог испугаться человек, пардон, колдун, которому выпало счастье обрести суженую? Только потери высокого положения. Вы, иномирянки — прости, Катя, — ничуть не лучше таких, как я, бесприданниц.

Вот так поворот.

— Как?! Мне говорили, иномирян тут, наоборот, уважают!

— Кать, только не расстраивайся, — вздохнула Лелька. — Иномирян уважают, потому

что княжеский приказ таков. Попробуй что против скажи, если велено уважать. А по сути... чужие вы, со своими странностями. Многие думают, воспитаны вы дурно и болезни вы приносите заразные.

— Что? — пискнула я. — Заразные болезни?!

Белка слегка отвлеклась, покосившись на нас, и продолжила:

— И по всему, да еще учитывая результаты расследования княжеского сыскаря, лично я вижу единственный вариант: тебя вызвал кто-то из Первых сыновей. А потом решил, что ему это не нужно, и бросил. Правда, инстинкт пересилил, и он тебя обезопасил. Слегка... Но хорошего мало.

— Лелька? — я встревоженно повернулась к подруге.

Хотелось совсем другого, более лестного для себя вывода. Но карие глаза в ответ только опустились.

— Прости, Катя. Белка предвзято относится ко всем Первым сыновьям, при малейшей возможности костерит их почему зря, это все знают. Но сейчас я с ней согласна. Это кто-то из них.

— Почему тогда этот ваш шибко умный сыскарь ничего о Первых сыновьях в отчете не написал? — возмутилась я.

— Да ты что! Это же прямой наговор, когда без доказательств! За такое его давно бы со службы выперли.

Так, сядем обратно, голова кружится.

— И все равно я думаю, что-то случилось в ту ночь. Он не мог меня бросить!

— Потом, — отмахнулась Белка. — Сейчас нам нужно узнать, кто это, верно? — медленно спросила она и подняла голову. — Думаешь, Лад?

Ее взгляд переместился мимо и уплыл куда-то вдаль.

— Я не знаю.

— Но ты... чувствуешь к нему что-нибудь?

— Они все на вид приятные. Ну, которые за столом на седмице сидели. Мы мало знакомы, так что пока толком ничего не могу сказать, но... извини. Может, и он. А может, нет. Помогите мне найти! Когда мы сидели в компании, меня к ним тянуло, туда, к столам. И я не говорила, но видела их раньше. Мы однажды пересеклись на улице — и меня тоже к ним тянуло.

— Не бери в голову, — быстро отмахнулась Белка, но взгляд остался отстраненным. — Значит, он среди Сыновей. — Она уже нашла на моем столе бумагу и карандаш и стала записывать. — Кто у них там трется в компании?

Лелька стала перечислять имена, а Белка — записывать их в столбик. Оказалось, кроме Первых сыновей в нашем распоряжении имеется еще семь человек, приближенных к сыновьям по рангу, но по росту подходили только двое.

— Значит, всего семь вариантов, — задумалась Белка. — Лелька, кто, по-твоему, не оставил бы суженую умирать?

— Он не оставлял меня умирать...

— Молчи, Катя. Лель?

— Гурьян бы не оставил.

Меня словно не замечали!

— Подождите! — я вскинула руки. — Мы все на глазок примеряем! Что это Первые сыновья и что не оставил бы! А если мы ошибаемся?

— Тогда придется туго, — коротко ответила Белка. — Но вряд ли мы ошибаемся, так что продолжим. Что, Лелька, думаешь, только Гурьян?

— Да, остальные вполне могли, — задумчиво ответила та, закутываясь в теплый платок, накинутый на плечи. — Остальные все могли, даже Лад. Извини, Белка. И ты, Катя.

Белка вычеркнула Гурьяна жирной линией, потом подумала и вычеркнула еще два имени линией потоньше.

— Почему этих исключила?

Прямо интересно.

— Сократим круг, иначе слишком большой разброс. Эти двое не первые, а вторые, попроще. Гонору поменьше, так что не смогли бы так сразу бросить. Тянули бы, ошивались поблизости, пока бы вас не нашли. А он, твой чпо...

— Он не чпо!

— Эта собака, — повысила голос Белка, и пришлось замолчать, — действовал быстро и хладнокровно, такому только Первые сыновья обучаются. Не запаниковал, вспомнил, что следы нужно стереть и сбежать вовремя. И наверняка алиби себе успел состряпать, раз ходит по АТМа как ни в чем не бывало. Ты не замечала странного за кем-нибудь из них? Никто не косится? Не сглатывает испуганно, когда ты рядом? Не нервничает?

— Да я только в таверне рядом с ними и была. И нет, ничего подозрительного не заметила.

— Значит, остаются четверо. Лад, Волин, Бакуня и Жегло. Лелька, идеи есть?

Та думала, кусая губы.

— Не-а. Вообще в голову ничего не лезет.

— И у меня пусто. Все, конечно, уже все в курсе, что иномирянка в АТМа. Наверняка этот твой... чпо уже подготовился. Теперь так просто себя не выдаст.

— А как насчет плаща? Его же Лад брал? — спросила Белку Лелька.

— Я думаю, — с трудом выдавила та, — что он бы не стал так глупо себя выдавать. Пошел бы и спер плащ у кого-нибудь подходящего по росту, он же не дурак. Он же знает, где плащ оставил, значит, по плащу будут искать, если вообще будут. И еще думаю... если бы сыскарю дали команду, он бы след рано или поздно взял. А судя по результату... ему запретили глубоко копать. Может, именно потому, что замешан Первый сын.

— Белка, ну опять ты! — воскликнула Леля. — Опять раскрыла ужасный тайный заговор с участием Первых сыновей! Не зря над тобой уже все в АТМа смеются.

— Пусть дураки смеются, — спокойно бросила Белка, уставившись в лист. — Собака лает, ветер носит.

— Ладно, ладно, — лекарка смиренно вздохнула. — Пока давай забудем про заговоры и просто подумаем. Может ли быть... — понизив голос, продолжила она, — что он оставил плащ специально, как след? Чтобы его нашли? Потому что не смог сопротивляться инстинкту?

В комнате стало так тихо, что сразу вспомнилось — уже ночь, пора спать ложиться, а то еще и не такая галиматья в голову ползет.

— Может, — наконец ответила Белка и сглотнула.

— Так что вы мне посоветуете?

Запутали совсем.

— Завтра пойдем в библиотеку, — вздохнув, решила Белка. — Я по своим темам буду книги искать, а ты станешь искать про иномирян и обряд призыва суженой. Подробности

всякие. Вроде там существует какое-то влечение, притяжение... Вот узнаем точно, тогда решим, что делать. Пока что гадать? Без толку!

— Да, я тоже поспрашиваю учителей, может, кто что знает, — согласилась Леля. — Только не обещаю. У нас начинается практика с настоящими тяжелыми больными, времени на праздные разговоры может не остаться. Я об этом вам еще не говорила... но у меня теперь будут дежурства, в том числе ночные, так что от меня мало толку. Но я спрошу!

— Только так спрашивай, чтобы никто не догадался! — испугалась я. Не хватало еще, чтобы наши планы случайно вычислили и растрезвонили по АТМа!

— Конечно. Не бойся, Катя, найдем мы твоего чпо.

Поднявшись, Леля направилась к двери.

— Не называй его так! Он не ч... не такой!

— Не буду, — донеслось из-за двери.

Лелька ушла, пока я рассматривала лист с именами. Четверо. Наверное, я очень близко к разгадке, а счастья вот не привалило.

— Ладно, спи спокойно, мы обязательно все узнаем, — Белка тоже направилась к двери.

— Спасибо тебе! И... за то, что не разозлилась. Вдруг окажется, что это Лад?

— Не за что, — она, не оборачиваясь, пожала плечами. — И насчет Лада... Все равно это рано или поздно случится. В смысле он не просто будет с кем-то встречаться, а на ком-то женится. Мне все равно.

Белка ушла. Ага, все равно ей, кому другому пусть врет!

Следующий день начался как обычно, в обед я спешила домой и краем глаза видела Первых сыновей. Жегло с его брюнеткой, шуба которой волочилась по снегу. Сразу видно — жутко дорогая. И с ними нескладный Бакуня, тот, у которого дядька в сыскном отделе начальник. Меня они, к счастью, не заметили. Говорят, в отличие от Первых сыновей, Первые дочери в нынешнем сезоне неудачные получились — все бытовички, кроме Аташи, которая по защитной магии. Просто позор, говорят, а я этого пренебрежения не понимаю. Да я бы от счастья задохнулась, если бы была бытовичкой. Это же чистая одежда без стирки, готовка без огня и уборка без веника и тряпки. Кто о таком не мечтает? У нас бытовички дежурят по этажу, и смотреть, как чисто становится после их колдовства, — одно удовольствие. Хотя Первым дочерям, конечно, к чему уборкой утруждаться? Для этого слуги есть.

Уже уходя, я снова ощутила эту тягучую силу... Будто за спиной магнит, а я — металлическая скрепка. Обернулась, конечно. Они так и стояли на месте, только Жегло теперь смотрел на меня. Смуглый и широкоскулый, с прихотливо изогнутыми губами и взглядом модели с парижской Недели моды. Молодой человек, который отлично знает, насколько хорошо выглядит. Захочешь забыть — не даст. Так оценивающе скользил взглядом по груди и ногам, что я невольно покраснела, а он только усмехнулся.

Может, и зря я Белку не слушала. Что-то и правда в них есть такое... как у менеджеров по подбору персонала в крупных компаниях. Оценка в глазах, которую они тебе ставят. И судя по всему, я в их среде не очень-то котируюсь.

Вечером мы с Белкой поужинали пораньше и отправились в библиотеку. Это было отдельно стоящее каменное здание со стрельчатыми окнами, высоченными потолками и рядами книг, в которых можно, вероятно, копать вечно. На самом деле большая разница: когда ты сидишь в сети, информация словно ниоткуда берется и ценности для тебя не представляет. А когда ты видишь ее в теле, так сказать, вот она, перед тобой — совсем другое

дело. Благоговение так и накатывает.

Главный библиотекарь и трое помощников располагались в служебной комнате и указывали примерный сектор поисков.

Мы отстояли небольшую очередь студентов, потом Белку отправили в раздел АЗ-5, где находились книги о медитации, а меня, по запросу про иномирян, в раздел ЗО-7.

Раздел ЗО-7 явно спросом не пользовался, это становилось понятно сразу. Высоченные стеллажи стояли тесно, пахло пылью, и ни души вокруг. Света пожалели, с трудом можно было разглядеть нижние полки примерно до пояса. Выше все скрывали потемки. Лестницу, которую подставляют, чтобы посмотреть содержимое верхних полок, пришлось таскать с места на место самой.

Книг было очень много: и толстых, и тонких, больше старых, которые практически разваливались, но почти все — с одинаковым содержанием. Жизнеописания каких-то иномирцев, рассказы об их родных мирах, то да се, ничего полезного.

Кажется, кочевать мне по этой библиотеке до конца года, прежде чем я найду что-нибудь дельное. Выберусь потом, пылью покрытая, истощенная, как скелет, и буду пугать всех вокруг своим видом.

Хм.

Постепенно я вошла в раж: выдергивала тома наугад, рассматривала содержимое, пролистывала, выхватывая глазами отрывки текста, из которых становилось понятно, о чем речь. Про обряд поиска нашла только общие сведения. В обязательных требованиях числились: темный лес, луна на Гадальной неделе, горячая просьба, то есть искренние слова, идущие из глубины сердца.

И после исполнения горячей просьбы этот... чпо действительно смог меня бросить? Так, ну их, сомнения! Он не такой! Я узнаю правду, и всем, кто думал иначе, будет стыдно!

Нужно как-то разнообразить скукотищу. Например, когда я дома занималась уборкой, всегда напевала. А тут, в новом мире, почему-то ни разу. Почему? Нужно исправиться, а то чего-то не хватает. О-о-о! Вот такая книга толстенная, может, в ней есть что-нибудь полезное?

Стоило вспомнить про песни, как они тут же полезли на язык. Обожаю старые народные, но с моим голосом такие не споешь, мне что попроще нужно. А вот, к примеру: «Люди вечно что-то говорят, но ты не такой, ты не такой». Ответ всем тем, кто пытается очернить моего суженого в моих глазах.

К счастью, вокруг никого, так что можно себя не ограничивать. Я повторяла строчку раз за разом, будто собиралась убедить в этом весь мир. А потом вовсе разошлась и перешла на народные, ну и пусть голоса нет, зато душа отдохнет!

Однако когда за спиной раздается... кашель, приходится вспомнить, что вообще-то это библиотека, общественное место, и так далее, и тому подобное.

Кто это?

Из дальнего угла неторопливо вышел... Волин, вспомнила. В застегнутом плаще, с непокрытой головой, он остановился напротив и начал меня разглядывать. В моем мире только самые невоспитанные люди так делают, а для него это, похоже, норма. Но не могу не признать, его взгляд не такой навязчивый, как у Жегло, потому что на грудь он не пялится.

— Ты поешь?

Ни «здрасьте» тебе, ни «как дела». Очевидно же!

— Да.

— Ну, значит, петь ты не умеешь.

Крайне деловой тон обижал. Первый сын, значит? И причесочка у него прилизанная, и плащик тщательно вычищен, ни единой пылинки, хотя лазает он в нем по отделу ЗО-7, где пыли больше, чем книг.

— Чего ж тогда слушаешь, раз не умею?

— Песни поешь незнакомые, но красивые. Можешь попробовать их нашим музыкантам продать. Если понравятся — неплохо заработаешь.

— Да? — а я и не думала об этом. Кстати... — А с чего бы такая забота?

Он высокий, красивый, смазливый даже. Лицо такое... аккуратно вылепленное, я бы сказала. Линии четкие, рельефные, даже тонкие, но общий результат довольно мужественный. Я не очень склонна к таким парням, всегда кажется, что они на себя больше времени и сил тратят, чем я, и куда более аккуратно выглядят. Мог мне в пару достаться лохотип, помешанный на собственной внешности? Надеюсь, нет.

Один из четырех в списке. Глаза такие серые и снова зеркалят, как будто видишь в них не его, а свои собственные эмоции. Ресницы пушистые, губы твердые. Кожа такая, будто он ее лосьоном увлажняет два раза в день. Даже сразу и не решишь, кто красивее — он или Жегло.

Эх, а чего терять?

— Где ты был в ночь последнего дня Гадальной недели?

Оба-на! Что? Удалось тебя удивить?

Он наклонил голову, под глаза легли тени.

— А ты наглая.

— Я?

— Ну да. Я же не спрашиваю тебя, где ты по ночам шатаешься.

— Ага. Так где ты был?

Он отвернулся к книгам.

— Дома, родителей навещал.

— И где твои родители живут?

Зеркальный взгляд снова вернулся ко мне. А под ним неуютно, между прочим. Но вдруг ответит?

— Я понимаю, конечно, — поморщился Волин. — Иномирянка, чужие правила, другое поведение, все такое. Но тут... кто ты такая, чтобы задавать мне вопросы? Я тебе не твой сумасшедший радетель. Я — Первый сын!

Ага, вот так, значит, он смотрит, когда недоволен. Сразу чувствуешь себя насекомым, которое хотят раздавить. А про Первого сына-то как крикнул! Прямо ощущаешь всю величину самомнения.

Ладно, не вышло разговора так не вышло. Я знаю, когда не нужно настаивать. Книг еще много, буду искать дальше. Выяснить, он это или нет, не удалось. Еще бы, кто думал, что все будет просто? Но все равно обидно — ни за что ни про что наорали.

— Какой он, твой мир?

Я уже думала, он ушел, а он все еще стоял и смотрел.

— Не хочу тебе рассказывать. Кто я такая, чтобы Первому сыну сметь языком трепать?

Я тоже, между прочим, могу нос задирать! Съел?

Волин равнодушно пожал плечами и ушел.

Кстати, а что он делал тут?! В отделе с книгами про иномирян? Вот оно, вот! Сердце

заколотилось. И может, если закрыть глаза, отвлечься от всего и сделать глубокий вдох... А-ап-чхи!

Да, пыли тут многовато.

Встретившись с Белкой, я сразу рассказала про встречу.

— Понимаешь? Что он делал там? — почти кричала я в конце, хотя дело было на улице, где мы через парк шли к общаге. — Может, хотел найти как раз что-то про меня?!

— Тихо ты, не вопи. У них же индивидуальное обучение, могли задать что-нибудь про иномирян. Некоторые истории других миров у нас изучают как образец политически или экономически верных решений, и довольно часто. И про твой мир он мог спросить просто так. Вдруг бы ты рассказала информацию, которая ему нужна, и искать бы не пришлось.

— Да? Не подумала.

Не знаю даже, расстроилась я или не очень. Действительно, это ничего не доказывает. Наоборот, был бы виноват, спрятаться бы попытался, а не стал выходить из тени и разговоры разговаривать.

— Хорошо бы не он, — подумав, поморщилась Белка. — Если Гурьян из них самый вменяемый, то этот, наоборот, полный придурок. Говорят, когда он в АТМа поступил, собственный отец его свободно вздохнул на радостях, что отрока выпроводил куда подальше, потому что устал за его выкидоны расплачиваться. То он дочь чью-то соблазнил, то лошадь увел, то колдовство в драке применял, а это, между прочим, запрещено. Но не Первым сыновьям, разумеется!

— Не скажу, что удивлена.

— У Волина есть более-менее постоянная девушка, Наяда, — при звуках имени Белку перекосило. — Она не Первая дочь, но зато любимая дочка очень знатного и богатого рода, где нет сыновей. Там первая дочь больна и не может даже разговаривать. Так вот, поговаривают, их поженят после АТМа, это дело решенное, и к Волину два рода перейдут.

— А за что вы с Наядой друг друга недолюбливаете?

— А, это долгая история.

— Ну расскажи! Ну пожалуйста! Ну Белка-а!

Молчание.

— Между прочим, я тебе все рассказала!

— Ну ладно, ладно! Это она с Ладом встречалась. Ну, когда он ее бросил, чтобы меня своей девушкой сделать. С тех пор она меня ненавидит, проходу не дает. Чуть видит — сразу оскорбляет. Сама слышала.

— Ты ее тоже не очень-то любишь, как я поняла. И в ответ смиренно не молчишь.

— Еще чего! И за что мне ее любить? — с искренним недоумением спросила Белка. — Она столько грязи на меня вылила, что в ней утонуть можно.

— Ладно, не о том сейчас. Хотя не понимаю, что вы делаете, ведь теперь она не одна, значит, для нее все хорошо сложилось?

— Да. С Волиным у них хорошая пара вышла, Няяда теперь за него обеими руками держится. Просто у нее характер сволочной, и все.

— Кстати, а остальные Первые сыновья? С кем-нибудь встречаются?

— Дай подумать. Лад сейчас ни с кем не встречается, но это быстро меняется, — мстительно заявила Белка. — Так. Гурьян встречается с Коркой, той, в неприлично красном. Но мы вроде решили, что его исключаем. Он, пожалуй, единственный из них, кто, прежде чем по головам пойти, подумает. Жегло встречается с Аташей, брюнетка, помнишь? Она

одевается богаче всех в АТМа. Бакуня один.

— Я уже устала в них копать, — вздохнула я.

— Ну, — невозмутимо пожала плечами подруга, — приятного, конечно, мало, но тут или так, или жди, пока все само собой решится.

— Все, хватит на сегодня. Завтра продолжим.

По приходе домой Леля тоже ничего важного не сказала, только устало пожала плечами, отчего стало понятно, что сложно приходится не мне одной.

В общем, на скорую руку ничего ни у кого не вышло узнать, слишком редкие мы, иномиряне, птицы.

— А, еще, Катя, к тебе приходил Лад в гости, — сказала Леля, когда мы уже собирались расходиться по комнатам.

— Да ну?!

Белка быстро ретировалась, чтобы мы не дай боже не подумали, что предмет беседы ее интересует, и закрыла за собой дверь.

— А тебя не было. Сказал, завтра зайдет.

— Спасибо. Ладно, спокойной ночи.

Не хватало еще от этого настырного Лада проблем нажить. Пока я не выяснила, что он мой суженый, времени на него тратить не желаю!

Раздевшись, я залезла под плащ и задумалась. Было темно и как-то одиноко, несмотря на спящую за стеной Белку. За окном шумел ветер, то и дело толкаясь в стекла. Какие можно выводы сделать после моих последних усилий?

Предположим, что рассуждения девчонок правильные, но слегка откорректируем. Почему мы исключаем Гурьяна? Девчонки считают, он не мог бросить суженую, но ведь имелись обстоятельства... Когда даже порядочный человек мог бросить. А еще должно же существовать какое-то притяжение к суженому? Меня должно к нему тянуть, сильно тянуть, иначе для чего все это затевалось?

Итак, Лад отпадает, к нему не тянет. Волин слишком лощенный для меня, да и притяжение под вопросом. При виде его чопорного высокомерия накатывало скорее раздражение. Остаются Гурьян и тощий Бакуня... Нет, его тоже исключаем, мне такие никогда не нравились. И смуглый Жегло.

Смуглые и темноволосые мне всегда были интересны: есть в них огонь, который тлеет глубоко под напускным спокойствием.

Значит, двое. Гурьян неплох, а о Жегло я пока ничего не знаю, кроме того, что он любит смотреть на девушек. Меня вот чуть не облизал. Ну, это все любят. Придется или действовать через Лада, подбираясь к остальным, или ждать седмицу и уже там что-нибудь на месте придумывать. Даже не знаю... Если первый вариант, то сводить Белку и Лада в одном помещении все равно что порох взрывать. А седмицы слишком редко бывают, раз-два в месяц.

Ладно, посмотрим.

На следующий день мне повезло. Сам день был ничем не примечательным, а вот вечером после ужина ко мне явился Лад, да не один, а в компании Гурьяна! Прямо как будто само провидение мои мысли читает и желаемое тут же выполняет.

Оба появились на пороге кухни, когда большинство девчонок разошлись по комнатам и кроме нас с Лелькой (Белка уже зубрила уроки) оставалось всего трое.

— Привет.

Вначале порог переступил Лад со своей неизменной улыбкой, а за ним вошел Гурьян в прежней овчинной жилетке, который нес в руках коробку с чем-то приятно пахнущим.

— Привет, — сказал он, протягивая мне коробку. — Мы к тебе... к вам в гости. Это свежие ватрушки к чаю. Мы хотели извиниться за грубый прием на седмице. Вообще-то мы не злые, даже наоборот, многие находят нас очень приятными.

Честно говоря, не знаю, что и делать. Дома я бы предложила пройти в гостиную и чай приготовила, а тут...

— Проходите, садитесь, — Лелька выхватила коробку и пригласила гостей к свободному столу. — Катя, садись с ними, я пока чай сделаю.

— Может, помочь?

— Нет, я сама. Может, вам Белку позвать?

— Да, хорошо бы, — отозвался Лад и добавил: — Только не говори, что я это сказал. Сегодня мне что-то неохота скандалить. Хочется мирно посидеть, чаю выпить в хорошей компании, а не дергаться в ожидании, когда тебе в шею вопьются чьи-то острые зубы.

За спиной захихикали. Ага, на кухне вдруг образовалась толпа тех, кто вроде как не успел вовремя поужинать или кому просто срочно понадобилось что-то сделать на кухне.

Девчонки прибывали, кружа по кухне и поглядывая на Первых сыновей. Похоже, раньше они тут не часто появлялись, раз уж вызвали такой ажиотаж.

Однако в общежитии, где вынужден многое делать на людях, быстро учишься не замечать других. Когда Леля отошла к печи, несмотря на окружающий гомон, мы как будто остались одни. Лад и Гурьян сели напротив, открытую коробку, в которой плотно лежали румяные кругляши с творожной начинкой, поставили посередине стола, и я вспомнила, как мама учила меня болтать ни о чем, только чтобы занять гостей.

Эх, мама... Так, начнем, а то расклеюсь.

— Говорят, вы вчера заходили...

— Я заходил, — поправил Лад, пока Гурьян косился на него и давил непрошеную улыбку.

— Извини, ты. А меня не было. Когда ты говорил, что придешь в гости, я, честно говоря, и подумать не могла, что ты придешь так быстро. И без приглашения.

Гурьян хмыкнул и уставился на меня очень внимательно.

Меня к нему тянет?

Я и сама не заметила, как подалась вперед, тщательно вглядываясь в его лицо. Тонкий нос, глаза необычного цвета, словно в желтый добавили коричневого, но плохо перемешали.

— Что-то в тебе... Я чувствую какую-то загадку. Какой-то подвох, — Гурьян вдруг резко дернул головой. — Не могу понять, но Лад прав, ты здесь не просто так. Твое появление повлечет трагедию, это понятно. Осталось понять какую.

Голос звучал зловеще, честно говоря, даже до костей пробрало, как будто провидец вещает.

— Откуда ты это все взял?! — возмутилась я.

Зачем было такие вещи вслух говорить?

— Потому что у них, у Первых сыновей, конечно, интуиция развита куда лучше, чем у всех остальных! При желании они угадывают будущее лучше обученных гадалок! Причем бесплатно!

Сварливый голос Белки над головой прозвучал очень кстати, потому что не знаю даже, как реагировать на такое заявление. Одновременно с ним хлопнул легкий тихушный колпак.

Такой ставят, когда хотят скрыть всего пару фраз.

— Спасибо, — поблагодарила я подругу. За вовремя поставленный колпак, который не дал услышать слова Гурьяна всей кухне.

— О, привет! — Лад поднял голову и расплылся в улыбке. — Садись с нами чай пить.

— Спасибо.

Белка села рядом со мной, и почему-то после этого за столом воцарилось молчание, что выглядело еще хуже из-за окружающего шумного смеха и болтовни. Гурьян уже перестал вещать замогильным голосом и чему-то улыбался, Лад вдруг стал таким скромным, что еще немного — и покраснеет, как подросток.

Надо как-то исправлять ситуацию. Вот... уже нервничаю.

— Спасибо, что зашли. А разве твоя девушка не будет против, что ты пришел к нам в гости? — протараторила я Гурьяну.

Белка вдруг тихо засмеялась.

— Нет, она сегодня занята, — пожал плечами Гурьян и положил руки перед собой на стол. Большие ладони, пальцы крепкие. Может, потрогать? И тогда станет понятно, тянет меня к нему или нет. А если не станет понятно? Спать с ним, что ли, чтобы выяснить?

— Вот и чай! — Леля вовремя поставила перед нами кружки и села на свободное место.

Под горячий напиток и вкусные плюшки разговор наладился. Мы обсудили погоду, наставников и удачно пропущенные мною экзамены, потому что появилась я аккурат после них, и сдавать мне придется теперь только в конце года. Потом немного обсудили мой непонятный мир, особенно интернет, такую штуку, которая выдает всю, ну просто всю имеющуюся в мире информацию по любому вопросу, и не нужно ничего искать!

Они были в шоке.

— Даже не знаю, с чем сравнить, — заявил Гурьян.

— А я, кажется, знаю, — мягко сказала Лелька. — Это когда ведуны входят в духовный мир предков. У них же не только совета просят, иногда просят какую-то информацию, которая забылась.

— Да, знания у нас так просто не даются, как у вас.

Объяснять, что доступ к знаниям еще не означает, что мы все-все знаем, я не стала.

— А что вы делали вчера в библиотеке? — вдруг поинтересовался Лад.

— Я про иномирян искала что-нибудь интересное, а Белка — про медитацию.

— Про медитацию? — Лад пристально посмотрел на Белку.

— Угу.

— У тебя не получается медитация? — спросил он, впервые за вечер став серьезным.

Белка подозрительно покосилась на него, но подвоха не почувствовала.

— Да, — наконец нехотя призналась она.

— У меня тоже в свое время не получалась медитация. Совсем. Было время, когда я даже думал, что ничего из меня не выйдет. Но в конце концов нашел решение. Хочешь расскажу? Может, тебе тоже пригодится?

Я видела, что Белке нелегко дается согласие, на лице было написано сомнение, не разыграй ли это, но вдруг правда? Она так долго и так тщательно искала и не находила решения, а тут живой свидетель под боком, переживший то же самое и отыскавший выход.

Наконец любопытство пересилило.

— Ладно, говори.

— Главная суть медитации — в расслаблении тела и ума, в успокоении, отрешении

души. Это основа. Остальное так просто, что у любого получится.

Мне, честно, и самой полегчало после того, как он начал рассказывать, уверенно и спокойно. Не хотелось бы очередного скандала.

— Душе проще расслабиться, а телу — сложнее. Физически твое тело должно быть как кисель. Никакой зажатости, никакого напряжения. Например, поза «розовый куст», когда ты сидишь на полу скрестив колени, срабатывает, только если руки действительно висят как плети, а голова опущена, как будто в шее нет костей.

— Я знаю, — ответила Белка. — Теория у меня от зубов отскакивает. А практика... У меня не получается так расслабиться. Чтобы мышцы совсем не напрягались. Что-нибудь да остается напряженным, — со вздохом призналась она. — Слежу, чтобы одна рука перестала сжиматься, другая тем временем начинает. С руками справилась — ноги опять напряглись.

— Да, я помню это, — кивнул Лад. — Нам советуют для контроля хороший отдых, сон, травяные чаи. Но я думаю, лучше всего помогает секс. После него тело совсем... полное расслабление. Никакой чай не заменит. Может, тебе стоит...

Ой, дурак!

Лад осекся, но было поздно, Белка снова вернулась к амплу непробиваемой стены, медленно скрестила руки и презрительно скривила губы. Ее острым взглядом можно было пилить бревна.

— Я... — Лад поискал слова, не нашел, нахмурился и упрямо сказал: — Я правду говорю. Без всякого умысла.

— Ну да, конечно! — воскликнула Белка. — Я так и поняла. Конечно же, ты правду говоришь! Потому что секс — это единственное, в чем ты разбираешься! Спасибо за совет!

Она вскочила и выбежала из кухни.

— Ну ты ляпнул, — изумленно произнес Гурьян, покачивая головой.

— Да что я такого сказал? — закричал Лад. — Я же правду сказал. Катя, ты тоже девушка. Объясни, что я сделал не так?

— Нельзя недотрогам намекать на секс, — снисходительно объяснил Гурьян.

Еще один!

Лад смотрел глазами побитой собаки и, кажется, действительно не понимал. Эх, объясню, не жалко.

— Ладно. Ну ты примерно представляешь, как она относится к любви и к близким отношениям? Насколько серьезно?

— Конечно, я знаю!

— А ты ей только что предложил заняться сексом только для того, чтобы медитация удалась. То есть она сейчас должна выйти на улицу, туда, где много молодых людей, выбрать кого-нибудь и...

Его ноздри раздулись.

— Я ничего такого ей не предлагал, — твердым голосом ответил Лад. — Я просто рассказывал ей про свой опыт и как решил эту проблему сам.

— Тогда нужно думать, стоит ли предлагать подобный опыт другим!

— Тебе тоже предлагать не стоит? — исподтишка посмотрел Гурьян.

— Я... разве речь обо мне? И вообще, кто приходит в гости и начинает на такие вещи намекать?! Может, вам в бордель лучше отправиться?

— Да я ничего такого не сказал! — оскорбился Лад.

— Ой, давайте не будем дальше на эту тему! — попросил Гурьян морщась. — Хоть вы не

начинайте, а? Одной ненормальной хватит.

— Она не ненормальная! — одновременно воскликнули я и Лад.

— Да хватит уже! — вдогонку крикнула Леля.

Все ошарашенно замолчали, вокруг воцарилась тишина. Оказывается, мы действительно слишком сильно кричали, а теперь остальные обитатели кухни вытаращились на нас, как в цирке. Купол поставить никто, понятное дело, не успел.

На следующий день про разговор в общаге, где Лад посоветовал Белке успокаивать нервы сексом, знали все студенты до одного. Подали историю, конечно, вовсе не так, как было на самом деле. В пересказываемом варианте Лад выглядел весельчаком и ловким шутником, а Белка — заносчивым синим чулком, которому указали его место.

А я решила, что Гурьян не может быть моим суженым. Мы провели вечер вместе, под конец я даже осмелилась мимоходом прикоснуться к его руке, но сердце мое продолжало биться ровно, и никакого жуткого желания перейти к более близкому знакомству я не испытала.

Значит, у меня остался всего один вариант.

* * *

— А эта новенькая ничего так, — Бакуня сидел за длинным столом на кухне мужского общежития и стучал ногой о деревянную перекладину. — Если бы не подруга ее безумная, я бы с ней поближе познакомился.

Гурьян, сидевший напротив, хмыкнул:

— У тебя не вышло бы.

— С чего нет?

— Она бы на тебя не клюнула.

— На меня нет? — изумился Бакуня.

Он проигрывал, конечно, остальным в силе и смазливости, но звание Первого сына всегда обеспечивало ему бесперебойное женское общество, так что в себе он не сомневался.

— Так она же иномирянка, — сказал Гурьян. — Кажется, мало еще понимает, кто есть кто. С нее станется сказать «нет».

— Хватит о бабах, может? — Лад раздраженно отодвинул миску с недоеденной кашей с мясом и скрестил руки.

— А о ком нам еще говорить? — Волин доедал свою порцию всегда и сейчас ел, хотя был уже сыт.

— Ну, есть еще тема. Что насчет того дела, с Костылем? — спросил у него Бакуня, воодушевляясь буквально на глазах.

— Зачем вы связываетесь с таким отребьем? — скривился Лад. — Вам мало того, что от рождения далось? Нервы пощекотать лишний раз охота?

— Так и есть, — ухмыльнулся Волин. — Тебе не понять, как это, когда всем этим добром рискуешь. Когда лишний шаг — и пропасть. Как сердце вскачь... и кровь кипит. А ты тихий слишком, тебе больше по земле ходить, чем в небо взлетать.

— Ага. За взлетом — падение, и расшибиться легче, чем кажется. Я не хочу рисковать свободой из-за сомнительных заработков Костыля. А из-за вас обо всех нас думают как о дебилах, особенно если попадетесь.

Гурьян расхохотался:

— Да ладно вам! Ничего не выйдет у них! Побалуются, да спасуют. Одно дело языком чесать, другое — поехать, к примеру, и живую кого-то ограбить. Струсят они, ясное дело.

— Посмотрим! — вскричал Бакуня, покраснев от злости. — Меня еще ни разу никто трусом не обзывал! Никогда я еще от своего слова не отказывался. На попятную не шел. И сейчас! Сказал пойду с ним на дело — и пойду! И про совесть не нужно втирать — Костыль собирается отобрать у вора то, что тот украл. Все честно.

— Ага. А Костыль все это честно заработал! И грабежи на дорогах — совсем не его дело! Он хорошо в уши льет, да только таким глупцам, как ты, попадает! — Лад явно был не в духе. — Что он, что ворюга, его обобравший, — одного поля ягоды.

— Ну все, хватит! Не ваше дело! — Волин доел и отодвинул тарелку. — Захотим — пойдем, передумаем — тоже не вам решать, вы нам не маменька!

Гурьян тихо рассмеялся, игнорируя росток тревоги, поднимающий голову. Не могут они влипнуть, не рискнут пойти — и все тут. Так что и переживать нечего.

Глава третья,

где героиня проводит время, которого у нее до чертиков, развлекаясь погоней за сыскарем и в тоске по интернету

Следующий день принес очередные расстройства. Белка замкнулась в себе, а Леля ничем не могла помочь, только с жалостью смотрела и повторяла:

— Только если в библиотеке поискать...

Пришлось искать. Со временем в библиотеке я стала проводить больше времени, чем в собственной комнате, все библиотекари знали меня в лицо и все настырней выпытывали, что же такое необыкновенное я ищу и как мне помочь.

Так что теперь в библиотеку я практически забегала, проскакивала мимо дежурных с криком: «Я знаю, куда мне», — и пряталась среди полок. Догонять они точно не побегут, побоятся заблудиться!

Помню, тем днем было очень солнечно, весной прямо пахло, и сил не было смотреть на все эти сюсюкающие парочки, которые попадались на каждом шагу. Такое впечатление складывалось, что у всего мира все в порядке, исключая меня, ну и Белку еще, которая среди весеннего безобразия ходила как всегда спокойная, невозмутимая, чистенькая, гладко причесанная.

Зуб даю, в нашем мире она не вылезала бы из офисного костюмчика, носила бы белую глаженую рубашечку, прилизанный хвост и учительские очки. Тут, однако, из ее нетугой косы то и дело вылезали упрямые пряди, а форма была слегка мятой, что общего впечатления, впрочем, ничуть не меняло.

Было у Белки такое свойство — как будто она не от мира сего, все вокруг помешаны на чувствах, а она — на учебе. Все с приходом весны походят на мартовских котов и кошек, у которых в голове одни ночные встречи, а Белка словно не замечала влияния гормонов. Может, у нее гормоны и вовсе отсутствуют?

Мы с ней вместе вышли к библиотеке, думая каждая о своем. Уже на входе она вдруг сказала:

— Эх... Жаль, что тебе нельзя пообщаться с сыскарем, который твое дело вел. Он-то уж точно смог бы припомнить полезные детали.

Вот и доказывай после этого, что не дура! Как? Как я не подумала об этом раньше?! Я же детективов пересмотрела уйму! Я же всю Агату Кристи перечитала!

— Белка, ты гений!

— Скажешь тоже, — покраснела она и быстро убежала в другую сторону, в отдел с медитацией.

Теперь, когда новая идея появилась, о том, чтобы идти корпеть в библиотеку, и речи не шло, так что я с порога развернулась и побежала обратно в общежитие, взяла деньги и выбежала за ворота АТМа, чтобы нанять извозчика.

Мой радетель должен знать, как найти сыскаря. Заодно и про содержание спросим. Этих денег, что он мне дал, на какой срок положено? На месяц или год? Если первое — я в шоколаде, потому что сумма оказалась по местным меркам немалой. Если второе — я впадаю в режим постоянной экономии, даже на извозчика лишний раз не потратишься, придется пешком ходить. Но не сегодня — сил терпеть нет.

Грамадий оказался дома (впрочем, он там работал, так что ничего странного) и изволил ужинать, поэтому мне повезло вдвойне: бесплатно накормили и по всем вопросам просветили. О делах за едой он говорить не любил, но пришлось. Чтобы не пропал аппетит, радетель отвечал быстро и по делу. Оказалось, деньги мне выдавать будут на квартал, то есть на три местных месяца в тридцать два дня каждый, а сыскаря я могу найти по месту службы, но это мне ничего не даст, потому что ничего нового тот по-любому не сообщит.

Ха! Скажите-ка, кого и когда останавливали советы радетелей? Уж точно не меня!

Потратив на извозчика еще несколько монет, я добралась до здания княжеских сыскарей — приземистого длинного дома с крошечными окошками и единственной дверью в стене, заросшей кустами, которую освещал тусклый покачивающийся фонарь. С первого взгляда здание выглядело обветшалым и даже нежилым, но все знают, что внешность обманчива.

Нужного мне человека звали Ахмат Холодный, и я изо всех сил надеялась, что сейчас он не на задании. Мне должно повезти! Должно повезти!

Небеса, однако, думали иначе, и Ахмата в здании не оказалось. Привратник согласился передать ему наспех сочиненную записку, и не больше. А мне пришлось вернуться домой ни с чем.

На следующий день сыскарь никаких сообщений в ответ не присылал. Хоть бери да снова иди ищи! Наверное, так бы я и поступила, если бы не Лелька.

— А, — сказала она, выслушав мои причитания. — Наивная ты какая. У меня троюродный кузен сыскарь. Ходи хоть год, но, если он сам не захочет, не станет с тобой встречаться, и ни за что ты его не поймашь.

— Но как же это!.. Думаешь, он специально станет скрываться?

— Конечно! Знаешь, как их достают? По каждому делу кто-то хочет лично поговорить, расспросить и узнать подробности. Если каждому навстречу идти, разжевывать и объяснять, работать будет некогда.

— По каждому делу?!

— А ты думала, твое самое важное? У него каждый день новое дело, представь, сколько таких, как ты, хотели бы его лично повидать.

— Ну... Ну раз он так! Я настойчива и своего добьюсь. Буду ездить, пока ему не надоест прятаться и он со мной не поговорит!

— Ну ты смешная, да как ему надоест? Он будет в окошко на тебя посматривать и говорить, чтобы передали, будто его нет. Не поймашь ты его, Катька, хоть тресни. Но ты такая упрямая, говорить тебе бесполезно, так что езжай. Может, поездишь месяц-два да ума наберешься.

Белка, которая подслушивала нашу беседу, тут же захихикала.

Стерпеть такое было выше моих сил.

— Я не упрямая!

Странно. В нашем мире считалось — если хочешь добиться своего, действуй и никогда не сдавайся. Работай днем и ночью, ищи новые подходы, настаивай — и добьешься. Здесь над подобной точкой зрения просто ухохатывались!

— Ну как ты можешь быть уверена, что дело только в тебе? — интересовалась Леля. — Вокруг целый мир! Настойчивость — качество хорошее, но неужели ты не знаешь, что иногда вещи просто случаются... И хоть головой об стену бейся, ничего не исправить.

— Так говорят лентяи! Если приложить усилия, все получится!

Не то чтобы я совсем с ней не согласна, но и сдаваться так просто не хочу.

— Так говорят разумные люди, верящие в золотую середину, — педантично высказывалась Белка.

— Так говорят фаталисты!

— Ну так собирайся и езжай, чего же споришь попусту?

После таких напутствий ехать было явно глупо, поэтому я снова отправилась в библиотеку, где начала шерстить полки, наверное, раз в десятый, потому что вдруг сообразила, что многие книги мне уже знакомы. Получается, я иду как минимум по второму кругу, а ничего толкового до сих пор не нашла.

И эта выцветшая синяя обложка знакома, и вон те пухлые страницы, все в желтых пятнах, и эта... Хотя нет, вру. Эту тонкую книжицу, больше похожую на журнал, я вижу впервые. Странно, что сердце колотится в такой неподходящий момент — ни одного молодого человека на горизонте.

Стоять надоело до чертиков, и я медленно села на корточки, осторожно разложив перед собой листы, еле-еле держащиеся на остатках клея. Страницы обтрепаны, буквы выцвели, но прочесть можно. Вначале описание обряда, это я уже сто раз читала и наизусть вызубрила. Потом подробности перемещения, физическое и моральное истощение... это жутко, в другой раз посмотрю. А это... Картинка, на которой девушка в традиционном китайском кимоно стоит посреди местного леса ночью, и вокруг — пустота.

Очень знакомо, между прочим. Снег лежит, а она так легко одета. Бедняжка.

«Случается и так, что призвавший оказывается далеко, — гласил текст. — Как произошло с Баожэй, которая потерялась и не знала, как появилась в нашем мире. В поисках разгадки она вошла в медитативный транс и смогла увидеть судьбоносную нить, ведущую к своему суженому. С тех пор многие двойники, не понимающие, зачем они тут, смогли узнать свое предназначение таким же образом».

Перелистнем. Тут уже другая история, причем призвали мужчину... Нет, не мой вариант. Итак, медитативный транс?

Вот что нам поможет! Если найти эту китаянку, можно будет расспросить, как ей удалось добраться до своего суженого и последовать ее совету. Однако... рано я обрадовалась. Судя по внешнему виду, книге несколько веков, так что китаянка, вероятно, давно уже почилла в окружении детей, внуков и правнуков. Книжку я поставлю сюда... на нижнюю полку... и запомню точное место. Думаю, она мне еще пригодится.

С Белкой мы столкнулись на выходе, правда, в отличие от меня она не выглядела радостной.

— Не нашла ничего?

Она вздохнула и молча покачала головой, как и много раз до этого.

— А ты?

— А я нашла! Намек, как можно установить связь с суженым. Знаешь, для этого мне придется освоить медитацию. Я должна войти в транс.

— Ого. Так сразу — и в транс?

— Если получится, сразу. Тогда я нащупаю нить и найду его.

— Удачи! Как войдешь в транс, так и меня, может, научишь. Или... Надеюсь, расслабляться ты не планируешь, будешь по-другому в транс входить?

— Я? А... Нет, таким образом, как советовал Лад, не планирую.

— Вот и отлично. Тогда желаю тебе удачи. Со своей стороны помогу, чем смогу, хотя сама знаешь, порадовать пока нечем.

В общежитии Белка притащила мне стопку учебников по медитации и с радостным видом, что теперь будет не одна мучиться, свалила на стол.

— Просветляйся. Будут вопросы, в смысле по теории, спрашивай. Как разберешься, попробуем на практике. Правда, — она вздохнула, — на этом месте польза от меня заканчивается.

— Ничего, прорвемся!

И я с таким энтузиазмом принялась за изучение теории медитации, что сама не заметила, как наступила очередная седмица.

К этой я уже готовилась серьезно. Последний кандидат в суженые по расчетам требовал тонкого подхода. К счастью, средства позволяли воплотить задуманные планы. Хотелось показать, что я из мира, где тоже имеют понятие о красоте и стиле, поэтому вместо библиотеки последние перед седмицей дни я ходила по швейным мастерским. Заодно выяснила, что готовую одежду тут не уважают и предпочитают шить на заказ: выбираешь фасон, ткань, украшения, и тебе шьют, причем стоит это удовольствие практически столько же, сколько покупка готовых изделий. Но времени занимает много, так что пришлось выбирать из ассортимента в наличии.

И, потратив два вечера и в край измучив Белку, которая была вынуждена меня сопровождать, я нашла нужное платье. Двойное — нижнее из тонкой облегающей ткани бледно-зеленого цвета, а верхнее — плотная шоколадная шерсть с удлиненными рукавами и кожаным пояском. Вместе все это походило на черкесский народный костюм, который я часто видела на танцовщицах народных ансамблей по телевизору.

Он сел идеально, даже Белка, подумав, кивнула:

— Правда хорошо смотрится.

— А ты сама не хочешь купить что-нибудь праздничное?

Она молча пожала плечами.

— Нет? Неужели совсем нет? Совсем не хочешь хоть иногда побыть красивой? Или... может, у тебя денег нет?

— Деньги у меня есть, скопились за год, я же почти не трачу и подрабатываю иногда, но как-то... Зачем столько денег на платье, которое наденешь всего пару раз? В АТМа же форма, а в повседневной жизни в таком платье неудобно.

— И что? Зато хотя бы пару раз ты будешь сногсшибательно красивой! Оно того стоит. Давай тебе что-нибудь купим?

Да, она сомневалась, по лицу было видно. Желание сменялось сомнением и даже неудовольствием. Ну же, решайся!

— Нет, — наконец нахмурилась Белка. — Жалко.

Ну прямо все настроение испортила! Вот нутром чую, что ей не помешает побыть в другом амплуа, отличном от заучки, но почему-то она упирается и пробовать не желает.

— И зря! Как ты сама говоришь — очнешься, а тебе уже пятьдесят, а ты ни разу красивое платье не надела.

Она упрямо сжала губы.

— На день рождения свой ты купишь и наденешь красивое платье, ясно?

— Да?

Белка вытаращилась моему наглому требованию.

— Да! Буду тобой любоваться.

Она опешила, а я засмеялась. Местных так легко смутить какими-нибудь глупыми,

бессмысленными словами или замечаниями. У нас попробуй смутить кого-нибудь! А тут в ответ на малейшие намеки обижаются или злятся, а за оскорбления готовы тут же бросаться в мордобой.

Итак, к седмице я была во всеоружии, потому что надоело, честно говоря, тратить время на поиски того, кто вроде должен давно лежать у моих ног. Сколько времени можно уже ждать, пока он созреет и поймет, кто его счастье. Я, конечно!

Может, начать встречаться с кем-то другим? Возможно, ревность тут же заставит мой объект себя выдать?

Хм, интересный вариант. Исключая нежелание встречаться с другим. У меня все-таки суженый имеется, это официально подтверждено высшими силами, так что не проигнорируешь.

Отправились мы в таверну прежним составом — впереди Коловрат под руку с Лелькой, позади я и Белка, вокруг бегают перевозбужденная Соня.

Пришли мы опять, когда народу уже было много, но это хорошо. Выбрав стол, я подошла к лавке и сбросила плащ, а потом развернулась лицом, так сказать.

Да, именно на такой ошеломительный эффект я и рассчитывала! Жаль, зеркала не было, тут не принято носить с собой маленькие, а большие не вешают в таверне — дурной знак. Прическа моя, скорее всего, слегка растрепалась, но у местных это дело обычное, тут не используют гели, муссы и воск для укладки, что, возможно, к лучшему. Никогда не любила возиться с идеальной прической часами. Помада зато была, я ее купила вместе с платьем — розоватая, без блеска, но функцию свою выполняла. Думаю, сейчас я выгляжу хорошо, по крайней мере, внимание привлекаю, и, судя по ошарашенным взглядам, внимание нужное.

— Медовички или ягодки?

Я выбрала второе, остальные — первое. Удобно, когда вместо двадцати сортов выпивки в наличии всего два.

Коловрат, выслушав заказы и неодобрительно покосившись на меня, отправился к стойке, где заправлял тщедушный усатый хозяин таверны.

— Садись на видное место, госпожа иномирянка, — с серьезным лицом заявила Белка, простирая ко мне руки, — чтобы все разглядели, как ты вырядилась, кто еще не разглядел.

— Спасибо!

Да, вот так. Меня не так просто укусить. Белка покачала головой и улыбнулась, устраиваясь рядом.

— Ты правда сегодня очень красивая, — сказала Лелька. — Просто так или...

— Хочу, чтобы он себя выдал.

— А! — воодушевилась Белка, глаза так и разгорелись. — Как я раньше не поняла!

— Но если бы не дела, я бы тоже постаралась выглядеть хорошо, — поправила я, а то так и будет думать, что красивые платья только по важной причине приобретают.

Это не так — иногда красивое платье нужно хотя бы для того, чтобы поднять самооценку, потому что платье поднимает настроение не хуже ведерка с мороженым, но без негативных последствий для фигуры.

Белка переглянулась с Лелькой, а меня вдруг как кольнуло в бок, будто кто ущипнул. Странно... булавок в ткани нет, я проверяла. Поерзаем... Нет, больше ничего не происходит, наверное, показалось.

Коловрат принес каждой по кружке с напитком, и пора было переходить к делу. Конечно, Первых сыновей я сразу нашла — сегодня они расположились далеко, в самом углу

таверны, под висящей на стене огромной композицией из шишек и деревянных птичек. Лад, увидев меня, улыбнулся и махнул рукой, вслед за ним обернулся и поприветствовал наш стол Гурьян, остальные были слишком заняты выпивкой, чтобы пялиться по сторонам. Жегло обнимался со своей девушкой, и неожиданно стало неприятно на них смотреть. Он щурил глаза и улыбался ей, и непонятно, как человек, у которого есть суженая, может вести себя таким образом.

— Слушай, — вдруг наклонилась ко мне Белка, — может, тебе забыть про этого своего хмыря-предателя? Зачем ты его ищешь? Ну, найдешь, ну, выяснишь, что это Жегло, к примеру, а потом что? Вот они все сидят, каждый тебя видит как на ладони. И что? Может, просто жить дальше, так, чтобы ни дня не жалко было? И пусть катится к черту в преисподнюю? Пусть жалеет до конца своих дней, что так поступил? Не заслужил он счастья, Катя, точно тебе говорю.

Ну нет! Я решила — я своего добьюсь!

Упрямство на моем лице всеми красками играет, утверждала мама. Непонятно, говорила она, в кого ты вообще такая упертая, бараны отдыхают.

— Просто мне кажется, эти поиски делают тебя несчастной, — добавила Белка, отводя глаза. — Но я смотрю, может, так и лучше. Убедишься, что искать не стоило, и тогда, может быть, найдешь в себе силы двигаться дальше.

— Да, так и будет, — сказала я, чтобы от меня отстали.

Не люблю спорить, особенно когда не собираюсь отступать. Зря Белка думает, будто я несчастна. Я найду его и докажу, что он не такой плохой, как все считают — и девчонки, и княжеский сыскарь, и радетель. Они все увидят, что я была права! Наверняка у него были обстоятельства, которые не позволили поступить иначе. Короче, все будет хорошо!

И тогда заживем!

Так, нужно действовать. Время летело быстро, и вот уже многие вышли танцевать. К нашему столику то и дело наведывались молодые люди, которые приглашали меня в круг. Желания танцевать не было, да и танцы местные для меня непривычны, нужно, кстати, разобраться, как их вообще танцуют. Вроде выходят парами, но в процессе постоянно обмениваются партнершами, а потом вообще как будто все вместе танцуют, меняясь местами. Кстати, как я раньше не подумала! Если выйти на площадку, когда Жегло пойдет со своей девушкой танцевать, можно будет во время танца при смене партнеров к нему прикоснуться. Но для этого нужно уметь танцевать, потому что позориться в мои планы не входит. Придется отложить.

Впрочем, как оказалось, загнать Первого сына на танцпол женщины не смогли. Я видела только, как танцевал Волин со своей Наядой и, кстати, лишний раз доказал, что свет такого выпендрейника еще не видал. Как он двигался! Как король, который изволил смешаться с толпой! Столько высокомерия да пижонства, аж скулы сводит.

К счастью, такого кривляку мне точно судьба подсунуть не могла.

Так как же добраться до Жегло? Думаю, просто подойти и пригласить на танец чревато неприятностями — эта его Аташа еще та змеюка, сразу вцепится клычищами в плотку. Не скажу, что я ее не понимаю, самой было бы не очень приятно, если бы залетные девицы к моему молодому человеку подкатывали, но я же не просто так! Мне нужно узнать, суженый он или нет.

— Чего это ты приуныла? — спросила Белка, у которой вид был не лучше. Мы опять остались в одиночестве — сладкая парочка растворилась на танцполе, где то и дело

мелькало счастливое лицо Лельки, а Соня носилась за другими столами, что не могло не радовать, ибо шуму от нее больше, чем пользы.

— Не могу никак придумать, как подобраться к той компании. Хочу поболтать с Жегло.

— Да? — Белка сонно хлопнула глазами. Как у нее, интересно, получается засыпать в такой суматохе? — В следующую седмицу будут темные танцы, тогда можешь попробовать. Я их ненавижу, но для тебя шанс хороший.

— Это как — темные? — Не могу даже решить, нравится мне это подозрительное название или нет. Вроде интересно, но пахнет чем-то запретным. — Там в темноте танцуют?

— Да.

— Правда, что ли?! В таком тесном помещении? Да тут убиться можно в темноте! И при свете не пройти, чтобы ноги кому не оттоптать.

— Так в темноте колдовской купол ставят, который делает так, чтобы люди при резком столкновении друг с другом или со столами и стенами просто отталкивались, как будто воздухом, и не ударялись.

— А в чем смысл тогда? Хотя... забавно, наверное, как шарики друг от друга отскакивать. Еще и в темноте, говоришь?

— Нет. То есть да, в темноте, в полной темноте, глаз можно выколоть. А танцы эти ради... ну, пообниматься, — она неловко поморщилась. — Целуются некоторые. Самое, по их мнению, — «их» Белка выделила особо, — интересное — это поймать кого-то, кто не подозревает подвоха, и поцеловать. Полапать. Дикое развлечение, на мой вкус, но в АТМа это традиция.

— Ничего себе традиция! Даже у нас до такого не додумались. А наша цивилизация вообще рассадник разврата.

— А у нас додумались. Самое поганое — если не участвовать, потом будут гнобить всей АТМа. Взвоешь и в следующий раз в первых рядах на эту самую темную седмицу побежишь, только бы отстали.

— Да ну? А почему?!

— Я даже не знаю, как объяснить почему! Я пыталась узнать, но к преподавателям же с таким вопросом не пойдешь, язык не повернется спросить, а у студентов... они сами толком не знают. Положено еще первыми курсами при основании АТМа. Участвовать должны все, и все тут. И так вцепились в эти темные седмицы, что... я на самую первую, помню, не пошла. Ну, думаю, что остальные мне сделают? Не побьют же? Пусть только попробуют, я любой девчонке сдачи дам. А потом неделю на кухне не могла даже выпить чай! То воду из-под носа утаскивают, то все места заняты, то ни одной свободной чашки, как испарились все! Готовить приходилось только стоя на месте, отлучиться даже на секунду ни-ни, иначе соли насыплют с горой... В общем, подличали все, по-тихому, но постоянно. И постоянно повторяли: не стоит нарушать традиций, не стоит нарушать традиций, будь как все, не выделяйся. В конце концов я сдалась. Подумала, чтобы спокойно учиться, а не тратить время на постоянные склоки и войны, проще ходить на эти долбанные седмицы. Несколько потерянных часов, зато потом несколько недель спокойных.

— Слушай... а ты... тебя в темноте кто-то хватал?

Белка, невиданное дело, покраснела.

— Было пару раз... Схватил кто-то сзади за грудь, я как... заехать, в общем, хотела по лбу, но купол не дал, просто этот... отлетел, и я не знаю, кто это был. Во второй раз

поцеловать кто-то пытался. Потом я подумала и поняла, как можно проще всего спрятаться. Нужно просто, как только темнота падает — а она падает всегда неожиданно, — сразу к стене бежать, там почти никто тебя не найдет. Разве что колдун специально заранее на тебя маячок повесит, чтобы в темноте отследить, но это слишком сложно и уровень выпускника. А так зато отсидишься у стены, и никто даже случайно не заденет.

— Надо же...

Сравнить не с чем, не припоминаю у нас таких странных развлечений. Пьянки помню, танцы-обжиманцы тоже свежи в памяти, а вот такого нет, не было.

— Говоришь, на следующую седмицу как раз темная?

И что мне это даст? Попробовать подкрасться в крошечной тьме к Жегло и пощупать его? Хм, а если я ошибаюсь? Если он и его Аташа меня застукают на горячем? Вот позорище-то какое!

Ладно, время еще есть подумать, а сейчас-то что делать? Шум утомил уже, и яркий свет везде, глаза после полумрака библиотеки жутко болят. Значит, закроем глаза и опустим голову, опираясь лбом в руки. Почему-то я устала. Может, это влияние Белки, которая не умеет веселиться, как все нормальные люди, и отгораживается так уверенно, что, находясь рядом, сам начинаешь сомневаться, в здравом ли ты уме, если хочешь выпить и оторваться?

А там, в той стороне... сидит он. Должен сидеть.

Почему мне ни разу не приснился суженый? Казалось, должно такое произойти, но нет, сны обычные: иногда снится институт, часто — родители, причем они счастливы, хоть это примиряет с действительностью. А суженый ни разу не приснился, хотя это было бы проще всего... Появилось бы передо мной лицо, и наконец стало бы понятно, что это за зверь такой и как его звать.

Сама не заметила, как наклонилась вбок, почти привалившись к Белке.

— Ты чего?

Я повернула голову. За ней, дальше, у стены, сидела компания Первых сыновей. Меня к ним потянуло, никакого сомнения. Опять. Признаваться в том, что происходит, а также указывать на то, что, несмотря на всю мою красоту и новое платье, к нам сегодня не подошел даже Лад, не хотелось, поэтому я вспомнила про медитацию.

— Ну как там дела, получается?

Она молча вздохнула.

— Не может же быть, что это такая сложная штука? Ну, если постараться, точно же рано или поздно получится?

— В теории. А на практике что-то не получается, хоть тресни, — тоскливо ответила Белка.

— Пойдем, может, прямо сейчас попробуем?

— Нельзя еще, нужно хотя бы до полуночи посидеть.

Ах да, традиции, традиции. Придется сидеть. Как-то кисло во рту становится при мысли, что случится иначе. Одна Соня чего стоит, когда рассердится, а уж целый этаж настроенных против тебя девчонок... Белка смелая, если смогла это пережить даже недолго, это точно!

— Может, тогда еще по порции медовички?

— Принесешь?

Я сходила к стойке и притащила две кружки, со стуком поставила на стол. Нет, ну как можно с таким скучным видом сидеть на всеобщем празднике? И правда, нужно ее красиво

одевать, хоть визуальное удовольствие получу.

— Белка, сейчас неудачно пошучу. Может, тебе и правда с кем-нибудь переспать?

Я думала, злость должна помочь ее разбудить, но вместо этого она тихо улыбнулась.

— Да что ты, — ответила Белка. — Ради медитации? А говорила, неудачно пошутить.

Она собиралась сказать что-то еще, но в этот момент шум музыки перекрыл громкий пульсирующий гул, от которого до боли засвербело в ушах и стол стал подпрыгивать, а кружки — так вообще прыгать.

— Пригнись! — Белка оказалась рядом, заставляя сползти с лавки и забраться под стол.

— Что это?

— Огневойка. Тихо!

— А что это такое?

— Ни звука!

После такого испуганного тона точно вопросов задавать не будешь. Тем более музыка моментально замолкла, а все, кто за столами сидел, как и мы, уже спрятались под ними. Только танцующие остались на месте. Просто присели и пригнулись к полу и так замерли. И все вокруг молчали... Никогда не думала, что такая толпа может хранить такое мертвое молчание. Даже жутко, как будто очутилась в музее восковых фигур.

Хотелось истеричным голосом спросить Белку, что происходит, но рот было страшно открывать — неспроста же все затаились.

Жужжание вроде прекратилось, и я стала выглядеть смелей. Это что-то опасное? Вроде больше ничего не происходит. Почему я никогда не слышала об огневойках, если от этих штук следует прятаться под стол?

Белка рядом вдруг с облегчением выдохнула. Кто-то посреди зала не выдержал и пошевелился.

— Кажется, пронесло, — донесся чей-то шепот, и студенты еле слышно заговорили.

В тот же момент прямо под потолок от окна метнулась небольшая ярко светящаяся капля размером с грецкий орех, похожая на раскаленное добела железо, которая ударилась о дерево потолка и взорвалась.

Я тут же оглохла от звуковой волны. На миг зажмурилась от яркой вспышки, но даже сквозь закрытые веки увидела еще одну.

— Беги! — прорвалось сквозь далекий гул.

Глаза пришлось открыть, хотя первым делом я подумала, что лучше бы этого не делала. В таверне творилось черт знает что. Никто уже не сидел на месте. Студенты бежали к выходу, толкались и пытались увернуться от ярких капель, которые то и дело взрывались, оставляя после себя яркую вспышку и клубы дыма.

Белка дергала меня за руку и показывала в сторону двери. Ее губы шевелились.

— Беги, — угадала я.

Гул был слишком сильным, звуки, которые сквозь него прорывались, походили на ультразвуковые визги. Белка потянула меня, пытаясь вытолкнуть из-под стола.

Кто-то пробежал так близко, что чуть не наступил мне на руку. Представляю, как было бы больно подошвой по пальцам.

Белка упрямо выталкивала меня, указывая в сторону выхода. Дураку понятно, нужно бежать на улицу.

Очередная огневойка взорвалась прямо передо мной, врезавшись незнакомой девушке в спину и оставив огромное красное пятно на ее платье. Замерев на секунду, девушка кулем

свалилась на пол.

Раньше я не могла бежать, потому что не соображала, что происходит. А теперь передо мной распростерто неподвижное тело. Как можно при виде такого вскочить и бежать? Тут даже глаза невозможно отвести, тем более красное пятно на ее спине увеличивается. Белка толкает в плечо все сильнее, но не может сдвинуть меня с места. Да, я, кажется, сейчас вешу как мраморное изваяние, пока эта девушка лежит передо мной и не шевелится.

Кто-то бежит вокруг, все суетятся и кричат, лампы стремительно темнеют, но хотя бы не гаснут. В полумраке вспышки выглядят еще страшней, как и летающие угольки, хотя я вижу их только краем глаза. Я никогда раньше ничего подобного не видела. Белка бросила толкаться и лезет мимо меня под столом, потому что я не могу пошевелиться.

А вот и Первые сыновья, такие же взволнованные, как остальные студенты.

Гурьян пристально смотрит на меня, потом тащит к выходу Корку, за которую держится Наяда, потом вид перекрывает бледный Лад.

Его губы тоже что-то кричат, после очередной вспышки он пригибается и хватает Белку за руку, поднимая и подталкивая в сторону выхода. Меня тоже потянули за плечо. Это Жегло, он кричит, как остальные, судя по движущимся губам, но я опять ничего не слышу. Его смуглые скулы потемнели — наверное, это румянец. За ним стоит Аташа, потом разворачивается и бежит к выходу.

Лад кивает и, придерживая Белку под руку, спешит к двери. Вокруг уже почти пусто, большинство студентов успели выбраться наружу, но взрывы не утихают.

Жегло, нахмутив чернящие брови, кричит и тянет меня за руку, но у него плохо получается сдвинуть меня с места.

Людей в таверне почти нет, но угольков не становится меньше. Теперь, на ногах, я могу не смотреть на девушку, лежащую на полу. Теперь я могу смотреть вокруг. Светлое дерево стен и мебели покрылось вмятинами и кляксами копоти. Таверна стала похожа на печь, «вид изнутри».

Девушку от моих ног прикрывают плащом и уносят, мимо бежит парень, на его шее кровь. За ним еще один — этот не бежит, а торопливо идет, подволакивая раненую ногу.

Что все это зн...

Ай! В спину так сильно толкают, что боль взорвалась, как будто в меня попала огневойка. Нет, только не это... Судорожное мельтешение рук... это я ими так машу? Пронесло, это не огневойка. Это Волин, он ничего не говорит, губы сомкнуты, но он что?! Снова со всей силы толкает меня. Мышцы как по команде отмирают. Рядом с нами останавливается еще один парень, рыжий, что-то говорит, я по-прежнему не слышу. Зато теперь могу идти, вернее — бежать, туда, к выходу, подальше от этого... не знаю, что это такое происходит, но лучше оказаться как можно дальше!

Выскочив на улицу, я судорожно глотаю холодный воздух. Нет, к счастью, вокруг ни одного уголька! Ни единого взрыва. Студенты стоят рассредоточившись и словно чего-то ждут. Где Белка?

Рассказ на словах вышел долгим, а на самом деле происшествие заняло от силы полминуты. За стеной таверны по-прежнему взрывались эти странные огневойки, чье название, похоже, происходило от звука воя, который они издавали. Некоторые студенты были ранены или опалены огнем, но, кажется, за пределы таверны огневойки не вылетали.

— Что это было? — крикнула я, когда нашла Белку, которая нервно подпрыгивала на месте, высматривая кого-то в толпе. Надеюсь, меня. Точно меня, потому что перестала

прыгать и успокоилась, стоило подойти. — Что это за хренотень такая?!

— Ты в порядке? — Лад, стоявший рядом с ней, бесцеремонно схватил меня за плечи, повертел, осмотрел со всех сторон и отвернулся. — А вы?

Жегло, Волин и рыжий подошли вместе. Глаза сами собой беспокойно забегали по ним, встретив и черный, и серый взгляд. Оба были или злы, или серьезны, скорее всего, вперемешку. Это Жегло? Он бросился мне на помощь, что-то кричал и пытался вытащить наружу. Это Волин? Он тоже бросился помогать, причем с большим результатом. Это он? Я его послушалась, Жегло не смог сдвинуть меня с места, а этот ка-ак толкнул, так я чуть бегом не побежала.

Или никакого тайного смысла в этом не было? Может, они всем помогали. Нет, хотя бы сейчас не думать... Как же приятно знать, что нас не бросили. Не знаю почему, но не бросили.

— Я провожу вас.

Лад не спрашивал, а сообщал. Жегло и Волин уже отошли к своим девушкам, студенты стали постепенно расходиться, а со всех сторон от окружающих домов к нам сбегались люди, свистели в свистки дежурные дружинники, и кто-то без перерыва звал на помощь.

Неподалеку стоял парень, по груди которого текла кровь. Вокруг него столпились студенты, видимо, с лекарского факультета, потому что они странно держали руки перед собой, и вроде воздух между ними колыхался.

— Пошли. — Белка подхватила меня под одну руку, Лад — под другую, и быстро повели прочь. Надеюсь, в АТМа, но даже если нет, даже если в темный переулок, где меня бросят, сил сопротивляться не было.

Приди в себя, Катя, опомнись, соберись! Что ты как тряпка, в самом деле.

Я заставила себя выпрямиться.

— Что это было, Белка?

Ну вот, голос уже спокойный, насколько спокойным он может быть после пережитого.

— Это огневойки. Они появляются с приходом весны. Мы все настолько привыкли... а ты ведь недавно у нас. В вашем мире нет... не знаю... ничего похожего?

— Ничего похожего нет, — быстро помотала я головой. — Что это за существа? Они живые? Это магия?

— Это природа так злится, — пояснил Лад, смотря вверх моей головы на Белку.

— Злится? Почему?

— Как почему? Без причины. Просто злится.

— Это не ответ!

— И охота тебе сейчас разбираться, — пробурчал Лад.

— Белка, пожалуйста, — попросила я.

— Хорошо. Но он прав — это природа. Тогда представь — наш мир был создан одним, по каким-то своим правилам, но время идет, мы, жители, меняемся, и мир меняем для своего удобства. Правила становятся другими. Конечно, духи недовольны, они хотели бы, чтобы вечность оставалась неизменной. Когда это начало происходить — ну, изменения, мир стал злиться и появились такие явления, как огневойка и водопляс. Самые сильные ведуны собирались и решили, что они приходят как плата за удобства, которые мы получаем. Приходят в теплые времена. Нужно быть очень осторожным, чтобы не погибнуть.

— Ничего не понимаю... Это, наверное, стихийное бедствие?

Лад влез:

— Можно и так сказать. Стихия, это ты имеешь в виду воду или огонь? Да, это стихийное. Огневойки появляются внезапно, большим количеством, как пчелы нападают на один объект и взрывают его. Колдуны могут слегка притормозить их скорость. В таверне мы все их затормаживали, на самом деле они двигаются так, что взглядом не уследишь. Когда приходят морозы, огневойки пропадают. Просто нужно знать: раздался гул — сиди тихо и молись, чтобы они мимо пролетели. Не повезло — беги. Если рядом колдун, беги к нему, он тормозит огневок и ставит защитный купол. Поняла?

— Да.

— Они нечасто появляются, за это не переживай.

— А водопляс? Что это?

— Это когда дождь рекой на небольшом участке. Может сбить с ног и унести потоком. Может утопить. С водоплясом дела хуже — он всегда образуется над людьми и не предупреждает о своем появлении звуком, как огневойки. Разве что над головой темнеет. Тогда нужно успеть спрятаться, убежать как можно дальше, и времени на это отпущено всего несколько секунд. Но и бывает водопляс реже.

Пришлось задуматься.

Не могу представить дождь такой силы. С другой стороны, и услышав заранее про огневок, я бы представила их какими угодно, но не угадала бы.

Вот и первый минус местного мира. Вернее, не самый первый: отсутствие любящего суженого, готового за руку ввести в новую жизнь, — первый, а существование таких страшных вещей — второй, но это же...

— Это просто жуть!

— Уже почти дошли, — зачем-то сообщила Белка. Видимо, тему переводит.

И правда, вскоре мы были дома.

Этой ночью мне снились огневойки. Они взрывались, а на заднем фоне хохотал злобный женский голос, чью принадлежность я не определила, который прерывал хохот, только чтобы прокричать:

— Думала, он тебя любит? Выкуси, коза, он любит меня! А ты здесь сдохнешь в одиночестве! Тебя загрызут мои слуги!

Только к утру удалось успокоиться. Что поделать? Если в этом мире происходят такие нехорошие вещи, придется смириться, выхода нет. У нас тоже бывают наводнения, пожары и землетрясения. В общем, много плохого. Здесь просто по-иному выражаются природные катаклизмы, и все.

На кухне я узнала, что вчера сильно пострадала девушка, в которую попала огневойка. Кажется, именно та, что упала передо мною на пол. Но остальным повезло больше, спаслись за счет колдунов, которых в таверне было немерено. Впервые я увидела в колдовской силе что-то полезное, ну, кроме бытовых удобств — самопишущих карандашей и очищающего грязь порошка. И правда, если колдун захочет, думаю, и убить сможет. А я почему-то к ним все как к чему-то милому и прелестному отношусь. Уси-пуси, колдуны, какая прелесть! Вот вам и прелесть...

[Купить полную версию книги](#)